

СБЛИЖЕНІЯ И СЛѢДЫ.

БАБА ПРОКОПЧИХА.

(НА ОХОТѢ)

Елснъ Михайловичъ Ревякиной.

У Г—скихъ я встрѣтился съ Сарданомъ, восемь лѣтъ не видавъ его. Изъ незамѣтнаго канцеляриста онъ сдѣлался впоследствии, какъ говорили, любимцемъ падшаго теперь Б. Ъзидъ онъ уже нѣсколько разъ и въ Петербургъ, для того, чтобы, сдѣлавъ нѣсколько тысячъ верстъ, возвратиться нисколько не интереснѣе. Слабая воля, съ характеромъ, лишеннымъ въ юности энергіи, никогда не вынесетъ его изъ среды, назначенной ему воспитаніемъ, которое развилось въ немъ по неудачно выбраннымъ образцамъ. Человѣкъ, забывшій вѣру и политическое положеніе дѣда, одного изъ послѣднихъ сыновей угасшаго королевства, не можетъ далеко пойти ни въ свѣтъ, ни во мнѣніи тѣхъ, которые знали его болѣе, нежели онъ самъ себя. Въ качествѣ фаворита, былъ онъ существо неистово-плясавшее и влюблявшееся, для того, чтобы писать прекраснымъ почеркомъ и золотыми чернилами любовныя письма; въ немилости—будетъ онъ вѣчнымъ стряпчимъ или засѣдателемъ, и умереть въ кругу своего безмятежнаго семейства и хлопотливой жены, рассказывая пріятелю подъ вечерокъ, что онъ когда-то былъ въ большой дружбѣ съ такимъ-то губернаторомъ, съ такимъ-то министромъ. Есть люди, гордящіеся страдательною извѣстностью. Имъ пріятно, если какой-нибудь баринъ, или большой человѣкъ, знаетъ ихъ имя. Таковъ и нашъ довольно чисто одѣтый Сарданъ. На одномъ изъ многочисленныхъ и блестящихъ баловъ въ Кіевѣ когда-то мы встрѣтились, заинтересованные тогда другими цѣлями. Встрѣтились мы и мало обратили вниманія другъ на друга. Теперь колесо перевернулось; Сарданъ бросился ко мнѣ съ открытою, какъ и для всѣхъ, душою, рассказалъ мнѣ свои страданія, ко-

торыми вообще наполнены канцеляріи и полки, замѣтилъ, что живеть выше своего состоянія, держитъ верховую лошадь, ѣздитъ на ней, какъ Левашевъ, и чуть-чуть не женился, да, къ несчастью, подоспѣлъ женихъ повыгоднѣе его.

Прощаю тебѣ, добрый Сарданъ, твои грѣхи—грѣхи человѣческіе, и соглашаюсь на твою просьбу поѣхать съ тобою въ Семеновку на охоту, гдѣ я буду стрѣлять очень неудачно, а ты—совершенно неудачно. Зато, когда мы будемъ пить чай, своими, иногда порядочными рассказами, напомнишь ты мнѣ шумъ свѣтской жизни, *балъ съ увлекательнымъ оркестромъ, лакированной лѣстницей, съ деревьями, цвѣтущими подъ роскошнымъ небомъ Прованса или Андалузін*, и я представлю себѣ, какъ ты, мой губерніскій корифей, носился тогда въ вихрѣ вальса съ своею *dame du coeur*, на тебѣ непременно былъ черный фракъ, бѣлый галстухъ и жилетъ, черныя панталоны, лакированные башмаки, часы съ золотой цѣпочкой, сомнительно, но ярко блистающей; ты громко говорилъ тогда пофранцузки и познакомился съ случайно занесеннымъ туда гвардейцемъ, Юліемъ Цезаремъ дѣвицъ и барышень, и съ гусарскимъ ремонтѣромъ, человѣкомъ марціальной наружности, но *бель-омомъ и комъ иль-фо*.

Поѣхали; по дорогѣ мы завернули къ нашему доброму Лажіевскому, и вмѣстѣ поѣхали въ Перегоновку, нѣтъ, въ Семеновку, поохотиться на куликовъ и бекасовъ. Никогда не думалъ я, чтобы столько дичи могло быть на одномъ прудѣ. Бекасы стадами слетали передъ нами, Лажіевскій горячился, его глухой Мико портилъ все дѣло. Я убилъ нѣсколько утокъ и десятка полтора другой дичи. Сарданъ только прикладывался и ни разу не выстрѣлилъ. Смѣшно мнѣ было смотрѣть на него, когда онъ бралъ ружье къ щекѣ и, боясь разрыва, судорожно опускалъ стволъ. Лажіевскій, раздосадованный неудачей, уѣхалъ; Сарданъ ушелъ домой, а я еще остался, и встрѣтился, тоже съ охотникомъ — дьячкомъ. Съ нимъ условились мы завтра поутру еще пошляться по рудамъ и очеретамъ. Пошелъ проливной дождь, и пока я успѣлъ добратъ-ся до гостепріимнаго крова, промокъ до костей; но сухая рубаха и кипящій самоваръ скоро меня утѣшили. Сарданъ заглянулъ въ мою охотничью сумку, и протяжно сказалъ: »хорошо!«

Напились мы чаю. Сарданъ легъ на постели, а я на диванѣ (въ Семеновкѣ никто не живеть теперь въ домѣ), положивъ подъ голову свою старую военную шинель. Онъ попотчивалъ меня славною сигарой *solo-rado*, и мы начали тары-да бары.

На другой день, 'чуть-свѣтъ, въ сѣрое утро, мы съ дьячкомъ опять пошли на охоту. Ходимъ мы часъ, два, три, — рѣшительная неудача! Только выются въ вышины длинноногія цапли, испуганныя выстрѣломъ моимъ по кулику. Я не сержусь на охотѣ, какъ во всякомъ другомъ случаѣ; неудача меня не сердить, но я, разумеется, подумываю: хорошо бы, еслибъ прилетѣла хоть пара утокъ!« Дьячекъ, какъ тертый калачъ по охотничьей части, встрѣчалъ неудачу равнодушно. Онъ давно уже съѣлъ свое сало съ чернымъ вкуснымъ хлѣбомъ, попотчивалъ и меня, и далъ совѣтъ идти въ Перегоновку.

— Хорошо, отче, говорю я: да будетъ ли тамъ *взятокъ*?

— Милостивый государь! (Дьячекъ отвѣчалъ мнѣ именно такъ), могу васъ завѣрить, ваше благородіе, что тамъ *качки* видимо-невидимо.

— Курите-же трубку, почтеннѣйшій Варахисій Исаевичъ, сказалъ я дьячку.

— Благодаренъ всема. Добрые у васъ *мысливскіе* сапоги; должно быть *пéредъ* двойной. Вотъ въ такихъ цѣлый день броди по водѣ—не промокнуть.

— Да, не промокнуть: на пузырь!... отвѣчалъ я.

Намъ надо было идти верстъ пять или шесть. Погода отъ вчерашняго дождя была сыра; капли дождя блистали на камышахъ и векодахъ; дикіе гуси длинными лентами тянулись на югъ. И у меня, и у дьячка ружья были на-изготовкѣ.

Трудно мнѣ позабыть встрѣчу съ Варахисіемъ Исаевичемъ. Я въ жизни не видалъ дьячка съ такими рыцарскими наклонностями. Его положеніе было ему не по вкусу; онъ былъ двойникъ того романтическаго дьячка, который, подобравъ съ героическою неустрашимостью полы своего неизмѣримаго халата, когда Миргородъ или Переяславъ спитъ, перескакиваетъ черезъ плетень въ садикъ, гдѣ обыкновенно, затѣненная вишнями и яблонями, стоитъ бѣлая хата, а въ этой хатѣ — хозяйка, въ вышитой красною заплочью сорочкѣ, — свѣжая какъ кровь съ молокомъ, — ждѣтъ кого-то, и еще не уживала.

Варахисію Исаевичу лѣтъ около тридцати; его голову обливали прекрасные, природой завитые, русые волосы; готическій носъ —этотъ синдикъ лица человѣческаго—давалъ ему какое-то неоконченное выраженіе — птичье; глаза, опущенные длинными рѣсницами, темно голубые, какъ подъ вечеръ рѣчная вода, съ разширенными до невозможности зрачками, и другими признаками, давали замѣтить, что онъ часто не чувствуетъ дома, по двумъ причинамъ: то сманить его волкъ, рыщущій

около овчарень зажиточныхъ мужичковъ въ зимнюю ночь; то, въ лѣтнюю, самъ онъ засядетъ на стародавнемъ валу, съ фляжкою въ бездонномъ карманѣ, и поджидаетъ дичь иного рода. Ротъ съ африканскими губами, волоса, глаза, носъ, жили на его лицѣ безъ всякой связи, какъ будто Варахисій Исаевичъ всѣ эти члены выпросилъ себѣ у добрыхъ людей. Шея была повязана бумажнымъ синимъ платкомъ; длинная талія завернута въ демикотонный капотъ, стеганный ватой, котораго полы, расходясь отъ его большихъ шаговъ, ежеминутно цѣплялись за завороченныя голенища очень стоптанныхъ сапогъ; въ жилистыхъ рукахъ, какъ бы выкрашенныхъ скорлупою свѣжихъ грецкихъ орѣховъ, онъ держалъ одно-ствольное ружье съ кремнемъ, и часто лазилъ въ карманъ своей зеленой жилетки съ мѣдными пуговицами, за табакеркой, на которой были нарисованы двѣ дѣвушки, прислуживающія двумъ обѣдающимъ офицерамъ, и съ надписью: *обѣдаютъ*.

Скоро шелъ дьячекъ по межѣ, вьющейся подъ гору; я порядочно отсталъ отъ него. »Какъ только дойдемъ до мельницы, сказалъ онъ остановившись, то оттуда сейчасъ будетъ видѣнъ баштанъ Замніусовъ, а дальше на *одинъ гонъ* — и *вершина* ставка.«

Точно: на полугорѣ, у подошвы которой сочился ручеекъ, я увидалъ баштанъ. Около соломеннаго куреня, какіе всегда дѣлаютъ у насъ на Украинѣ, разложенъ былъ огонь.

— Вотъ хорошо было бы, Варахисій Исаевичъ, зайти на баштанъ посидѣть около огонька да съѣсть дыню. Какъ думаете, продадутъ?

— И даромъ дадутъ, отвѣчалъ дьячекъ: — человекъ знакомый, прихожанинъ свой; я ему этого году далъ четыре заячьи шкурки. »Помогите, говорить: проклятый заяцъ ѣстъ мои дыни, *нівечитъ* кавуны«. Пришелъ я къ нему въ мѣсячную ночь, посидѣлъ около куреня и убилъ пятерыхъ.

Замніусъ, сѣдой, но здоровый старикъ, сидѣлъ передъ огнемъ. Онъ мѣшалъ липовою ложкою пшеничную кашу съ саломъ, и длинные концы его усовъ едва не падали въ котелокъ. Въ двухъ шагахъ отъ него лежала большая рыжая собака, изъ породы тѣхъ — или лучше сказать — такого характера, если только собака имѣетъ характеръ, которыя любятъ, повѣсивъ голову, идти съ чумаками при *хѣрѣ* и жить отшельниками, въ пасікахъ и на баштанахъ. Она хотѣла броситься на насъ, но, услыша знакомый голосъ: »цытъ, Борухъ!« опять свернулась въ клубокъ и закрыла носъ оставшимся кускомъ хвоста. Варахисій Исаевичъ поздоровался съ Замніусомъ, какъ давній знакомый, а черезъ минуту жел-

тая, сочная дыня, разрѣзанная складнымъ ножомъ хозяина, лежала передъ нами на чистомъ деревянномъ кружкѣ.

Мнѣ всегда нравилась лѣтняя жизнь честныхъ украинскихъ стариковъ или дѣдовъ. Бывало, съ ружьемъ въ рукахъ, измученный полудневымъ жаромъ июльскаго солнца, я часто съ удовольствіемъ спѣшилъ къ куреню одного моего любимаго дѣда — анахорета Ничипора. Онъ былъ пасічникъ *par excellence*. Еще далеко отъ лѣса, гдѣ стояли его пчелы, такъ и повѣтъ на меня ароматомъ душистой черемхи или цѣтущей липы. Мой Ничипоръ, всегда въ бѣлой сорочкѣ, дѣлаетъ обручи, сидя верхомъ на своемъ неприхотливомъ станкѣ; въ его куренѣ лежатъ заготовленные ульи для роевъ. Посмотрить на меня онъ привѣтливо; потомъ пойдемъ мы съ нимъ на пасіку, гдѣ на бархатной травѣ стоятъ чистые ольховые или липовые ульи, оберегаемые то молодой вишенькой, то широколиственнымъ кленомъ, то грушой-*лебединкой*, которой вѣтви подперты, чтобы не сломались отъ тяжести урожая. Отъ, говорилъ онъ, якъ Бѣжа бжолѣ праціе. Се вона йде на піргу. Зъ цѣго я вчѣра одібравъ роєкъ, да й накінувъ на цей *слабѣнький*.»

Теперь не захожу я уже къ тебѣ, Ничипоръ, въ твою тишь, понятную измученной душѣ: умеръ ты, мой добрый старичекъ, и на твоемъ мѣстѣ поселился какой-то рыжеволосый черниговскій старовѣръ; я не отыщу уже другого, кто бы кормилъ меня такимъ пахучимъ *липнякомъ*, поилъ въ знойный день изъ искусно выдѣланной тыквы такою холодною водою, только-что зачерпнутою изъ маленькой, подъ вербою выкопанной, криніички, и разсказывалъ были изъ *давніх давніхъ* такъ занимательно и живописно. Помню я твою поэтическую повѣсть, когда ты, Ничипоръ, убѣждалъ ребенкомъ отъ длиннаго спѣса Швачки и спрятался въ будянскіе камыши, а надъ тобою чайка, гайдамацкая птица, вилаась и кричала!...

Варахисій Исаевичъ спѣшилъ.

— Пойдемъ скорѣе на ставъ, сказали онъ, отрѣзывая на дорогу, или, какъ онъ тогда выразился, на *посохъ*, огромный кусокъ краснаго арбуза: — видите, небо заваливается хмарами и вдругъ сдѣлалось парно; качки и лыски теперь будутъ спать подъ самыми берегами, а дождь можетъ и *уливень* будетъ.

— Ничего! отвѣчалъ я: — не боится козакъ непогоды, лишь бы охота удалась.

— Дождь то — пополамъ бѣда, замѣтилъ страннымъ голосомъ Варахисій. — Понастоящему, падо бы къ вечернѣ поспѣть; ато отецъ Семень

все сердится, консисторіей, духовнымъ правленіемъ, страшаетъ. »Донесу, говорить, что ты не церковнымъ дѣломъ занимаешься, а шляешься, какъ шляхта какая, по болотамъ, съ собакою. «Ну, еще, сказавши слово истины, самъ батюшка ничего, да сынъ его, вотъ въ эти жива, пріѣхалъ изъ Кіева; семинарію кончилъ, богословъ, — такая гордыня! Разъ я съ Пужеловскимъ — тоже оберъ-офицерскій сынъ — пришли къ нему, такъ, *побазікать*. »Нѣтъ, ты, говорить, пойдѣ вонъ, *негодница*, отъ моего общества!»

Вдругъ изъ-подъ самихъ ногъ Варахисія Исаевича вылетѣлъ дубель-шнепъ. Въ одно мгновеніе дьячекъ прицѣлился, на полкъ взвился синій дымокъ, и бекасъ, прострѣленный цѣлымъ зарядомъ, не успѣвъ еще совершенно подняться, въ шести шагахъ упалъ отъ него.

— Молодецъ Варахисій Исаевичъ! (выстрѣлъ былъ мастерской) выпьемъ за упокой! сказалъ я.

— Жаль только, что вблизи отъ вершины: будетъ птица поосторожнѣе. *Кришукъ*, правда, штука; а всё лучше бы пустить зарядъ въ стадо утокъ, чѣмъ въ этого длинноносаго.

Ружье было заряжено, тщательно прибитъ огромный до невѣроятности зарядъ орѣховымъ шомполомъ и выпита чарка *старки*. Еще мы прошли немного, и вершина перегоновскаго пруда, закрывая ольхой, какъ частоколомъ, и заросшая камышами, открылась передъ нами.

— Ну, теперь будемъ же идти тихо; не говорите, ваше благородіе, ни слова, да не становитесь на сухія вѣтки, чтобы не хрустѣли подъ ногами, а я вылѣзу на этотъ дубокъ да посмотрю, есть ли птица.

Дьячекъ снялъ съ себя свой демикотонный капотъ и въ зеленой жилеткѣ съ металлическими пуговицами и въ цалевыхъ лѣтнихъ панталонахъ, положивъ ружье на шашку, полѣзъ, съ ловкостью браконьера, на высокое дерево. На другой сторонѣ кто-то выстрѣлилъ. Варахисій Исаевичъ, внимательно смотрѣвшій вдаль, сдѣлалъ пресмѣшную гримасу и почесалъ голову.

— Богъ его знаетъ, что теперь и будетъ, сказалъ онъ слѣзая. Панъ Бернаръ это выстрѣлилъ: —знаете? А дичи было видимо-невидимо! Вся снялась и полетѣла туда, на восходъ солнца. Пойдемъ просто; проклятый изъ рукъ взялъ. Какъ у него становой ружье не отобралъ! когда вся шляхта отдавала ружья.

— Печего дѣлать, замѣтилъ я, вынимая огниво изъ своего *галанца* (покурить хотѣлось): — пойдѣмъ и на восходъ солнца.

Эти слова сказалъ я очень хладнокровно, да въ душѣ-то было не то.

Мнѣ всегда совѣстно горячиться на охотѣ—на землѣ и на водѣ, но не могу быть совершенно спокойнымъ. Бѣжить противъ меня заяцъ, — подумаешь себѣ: «что онъ за звѣрь? развѣ трудно убить его, косого?» И точно: приложишься не торопясь, выстрѣлишь и лежишь передъ тобою заяцъ. Если это на облавѣ, — «съ мѣста не сойду, «думаю: «такъ гла- сить охотничій кодексъ», и очень доволенъ собою. Но бѣда, если, выбравъ себѣ славную *шалинку*, между двумя горками, и пританчившись въ ней, я услышу, что Порва, славно и долго преслѣдующая лисицу, гонитъ на меня. Заиграетъ, забьется, сердце. Но всё еще не теряешь своего убѣжденія, что торопиться грѣхъ, стыдно, слабость души; добро было бы въ восемнадцать лѣтъ! Вотъ собаки ближе, ближе; лисица, истомленная, со впавшими боками, едва дышущая отъ усталости, съ пушистою и красивою трубою, тихо идетъ на меня... остановилась и, поднявши переднюю лапку, острымъ рыльцемъ втягиваетъ въ себя воздухъ... Пропало тогда все: взволнованный убійца зайца приподнимаетъ дрожащею рукою ружье, грудь его тяжело дышетъ, пульсъ удвоенно бьется, и онъ, вмѣсто того, чтобы выстрѣлить, или кашляетъ, или тянетъ ружье за скобку указательнымъ пальцемъ. Такъ въ ту пору, когда лучше живется на свѣтѣ, когда сердце живетъ невыразимою и неукротимою любовью къ барышнѣ, пламенный юноша, переписавъ на розовой бумажкѣ золотыми чернилами страстное объясненіе въ любви, выкуривъ трубку Жукова, съ невѣроятными затыжками и скоростью, спѣшитъ въ тѣнистую аллею сада къ очаровательной Александринѣ или розовенькой Marie, отпущенной домой въ субботу вечеромъ изъ образцоваго пансіона благородныхъ дѣвицъ. Юноша даетъ себѣ рыцарское слово быть хладнокровнымъ съ коварной, быть неумолимымъ, сжечь ее молніею своихъ сѣренькихъ глазъ; но, обаянный чуднымъ голоскомъ очаровательной Александрины или хорошенькой Marie, вмѣсто заготовленной тирады и объясненія, говоритъ ей вовсе не то, что задумалъ.

Дьячекъ, какъ Могиканъ нашихъ луговъ, велъ меня по узкой, едва замѣтной, тропинкѣ топкаго луга, заросшаго папоротникомъ, ольхой и сажеными травами. Горные ключи, бѣгущіе въ прудъ, на каждомъ шагу мѣшали намъ идти скоро, не смотря на мои аршинные сапоги, похваленные дьячкомъ. Я уже нѣсколько разъ едва ихъ не оставилъ въ дѣвственныхъ топяхъ. Огромный камышъ, еще покрытый влагой обмочилъ насъ съ головы до ногъ. Но, вѣрные своей цѣли, съ вспотѣвшими чубами, выбрались мы изъ вершины перегоновскаго пруда, съ неумолимымъ жела-

ніемъ перейти на другую сторону. Варахисій перезарядилъ сей-часъ свое замокшее ружье, осмотрѣлъ полку, подсыпалъ мелкаго пороху и моимъ огнивомъ оббилъ кремень, боясь, чтобы его ружьецо, съ надписью: X. Burda w Szopowiczach, не *завело*.

— Видите ли, говорить мой проводникъ, — вотъ тамъ на серединѣ, ближе немного къ правому берегу, чернѣетъ? Это *качки*, а немного по-дальше, на косяхъ, стоятъ двѣ цапли. Когда увидятъ они насъ — слетятъ, дьяволы, и испугаютъ *качню*. Если подкрадемся какъ слѣдуетъ, то *ничего* будетъ.

— Чтѣ вы, Варахисій Исаевичъ? вѣдь утки передъ дождемъ жируютъ. Какъ же мы подкрадемся? Посмотрите-ка, какія набѣгаютъ тучи и какъ ими заволокло небо! дождь такъ и виситъ.

— Жируетъ качка передъ лѣтнимъ дождемъ, а въ осень по-подъ берега прячется да спитъ, знаете, подвернувши голову подъ крыло.

И такъ мы составили планъ, какъ повыгоднѣе подобраться къ уткамъ. Я говорилъ, что надо идти на прямикъ, прятая повозможности ружья; а мой дьячекъ утверждалъ, что надо *перелѣзть* съ начала черезъ глинистую гору, переправиться чрезъ лотоки оставленной, по старости, водяной мельницы, отбиться отъ злыхъ собакъ Прокопца, переходя черезъ его дворъ, и на огородѣ сѣсть въ капустѣ, отдѣленной отъ воды однимъ только аршиннымъ плетнемъ. Планъ былъ труденъ, но построенъ на совершенномъ изученіи сердца утки, и полномъ знаніи мѣстности. Я принялъ тактику дьячка, покорился ей; смѣло полѣзъ на глинистую гору, и упавъ сверху ея, свалился бы въ воду, если бы онъ не удержалъ меня за патронташъ; переходя лотоки, набралъ полные сапоги воды, и у Прокопца, вѣрно, желтая собака, которая лежала подъ большимъ навѣсомъ коморы, оборвала бы мнѣ полы моего камзола, если бѣ бѣлоголовый мальчикъ, будто облитый сметаной, въ отцовскихъ *чоботяхъ*, не закричалъ на нее: *а ну, бісівъ собака!* Но зато, минуты черезъ двѣ, я уже сидѣлъ въ капустѣ, а возлѣ меня въ двухъ шагахъ — Варахисій Исаевичъ. Подползши изъ четверенькахъ къ забору, сдѣланному изъ давно-высохшаго орѣшника, онъ разматривалъ черезъ вѣтви его толпу заснувшаго непріятеля и двухъ сторожевыхъ цапелъ, высохшихъ и худыхъ. Утки, какъ въ старину жители добраго города Литтиха, жирные Фламандцы, спали, оберегаемые наемными ландскнехтами, людьми высокаго росту и блондинами.

Дьячекъ былъ недвижимъ, словно окаменѣлый. Я внимательно смо-

трѣлъ на его готическій силуэтъ и думалъ, не лучше ли было бы Варахи-сію Исаевичу служить хоть унтеръ-офицеромъ въ славномъ 4-мъ стрѣлковомъ батальонѣ, чѣмъ читать, простуженнымъ голосомъ, невнятно для мірянъ пареміи, и пр.

— Качекъ, можетъ, сотняга будетъ; спать проклятыя, да и далеко! Нечего стрѣлять: мое ружье не возьметъ (это сказалъ онъ подползши ко мнѣ и снявъ картузь, чтобы онъ не былъ замѣченнымъ изъ-за плетня); шаговъ 90, а можетъ и цѣлыхъ сто будетъ; а ваше?

— Мое — Тула, тоже не достанетъ; подождемъ.

— Еще у васъ, замѣтилъ онъ, въ правомъ стволѣ и разстрѣлъ; должнѣе разсыпать очень. Сдѣлайте и вы себѣ, такъ какъ я, въ тыну дырочку, да вставьте стволъ; ловче будетъ приложиться. Эка какая ихъ *сумма*! Вотъ, когда бы тотъ рыбалка, что ѣздитъ по вершинѣ, поплылъ по-подъ тѣмъ берегомъ — хорошо бы было!

— Что же тутъ хорошаго? снялись бы онѣ, да и полетѣли; развѣ въ летъ довелось бы выстрѣлить.

— Гдѣ вамъ! Не боится утка, проснулась бы только да поплыла къ нашему берегу.

Съ послѣднимъ словомъ, дьячекъ опять подползъ къ своей дырочкѣ.

Но небесная экономія распорядилась лучше: не поплылъ съ вершины къ противоположному берегу *рыбалка*, — онъ между очеретомъ все вытаскивалъ изъ *ятерей* карасей, хорошо ловавшихся передъ дождемъ и, довольный удачею, вѣроятно рассчитывалъ, что за труды будетъ у него копѣйка на кварту горѣлки, которую онъ вечеромъ выпьетъ за столомъ въ арендѣ съ чумакомъ или съ постояльцемъ — саперомъ; зато свернула такая молнія, ударилъ такой громъ, что я невольно вздрогнулъ; точь-въ-точь будто выстрѣлили козацкія пушки въ Тарасову ночь, когда тѣ, которыхъ полегло тогда такъ много, одѣтые въ богатые *кунтуши*, съ *синѣтами* на пальцахъ и при дорогихъ *карабѣляхъ*, праздновали въ Переясловѣ послѣдній разъ въ жизни римское торжество. Точно, такого громоваго удара я ни разу въ жизни не слышалъ, кромѣ только, когда предъ моими глазами молнія убила одного Пичука, который стоялъ на горкѣ подъ дубомъ, съ колтуномъ подъ бѣлой валяной изъ шерсти шапкой и съ плетеной коробочкой за плечами.

Я взглянулъ на дьячка. Онъ дѣлалъ мнѣ не советамъ понятные знаки, грозилъ пальцемъ (изъ чего заключилъ я, что надо быть еще осторожнѣе), указывалъ на плетень и кусалъ ноготь большаго пальца лѣвой руки: вѣрный признакъ, что онъ что-то видитъ, соображаетъ и горя-

чится. Я тоже, что называется, зарапортовался и вытянувшись по земли во весь ростъ, приползъ къ Варахисію Исаевичу.

— *Цытьте, цытьте!* прошепталъ онъ: утки у самого берега... пусть сплывутся... слушайте только, когда я скажу *три*, — съ обѣихъ стволовъ палите!

Какъ сладко слушать такія слова! Какое томленіе разливается по жиламъ! *Млостъ*, какъ говорилъ покойный Петръ Афанасьевичъ, поидеть по косточкамъ. Просунулъ я ружье въ щель плетня, посмотрѣлъ на ставъ. Ухъ! и написать пріятно: — недалше двадцати-пяти шаговъ плаваеъ стадо проснувшихся утокъ. Вотъ *подгоржалка*, вотъ *крыжняя*, вотъ *чирка*! Нѣкоторыя изъ нихъ будто хлопочуть; другія купаются, или ныряютъ; третьи, вѣрно постарѣ лѣтами и опытомъ, уже спать или флегматически ищутъ своими носами что-то подъ крыльями. Бѣдныя! Онѣ и не видятъ этихъ трехъ стволовъ, зіяющихъ изъ плетня, не видятъ меня съ ускореннымъ пульсомъ и дьячка — грозу хуже грома. Палець лежалъ уже на *собачкѣ*; но Варахисій Исаевичъ еще выдерживаетъ. Вотъ его губы сжимаются... взглядываетъ онъ своими зрачками на меня... изъ его стиснутыхъ зубовъ выходилъ глухой, но понятный для меня звукъ: *разъ...* я схватываю пять утокъ на цѣль... *два* — все готово... *три* — мы выстрѣлили.

Вѣтеръ отнесъ въ сторону дымъ; мы перескочили черезъ плетень;стая удивленная, испуганная, снялась черной тучей; раненныя утки падали съ воздуха на воду.

Дьячекъ (я забылъ сказать, что его собака, конечно—фидель, имѣла привычку проголодавшись уходить домой) со всею возможною скоростью снялъ свой капоть, сапоги и со смѣлостью припорожскаго лоцмана, бросился въ воду. Не бралъ же онъ тѣхъ, которыя остались на мѣстѣ, нѣтъ; поплылъ сначала за подстрѣлками, нырялъ за ними, поймалъ шесть и вышелъ на берегъ. Убитыхъ и раненыхъ было двадцать-семь.

Онъ одѣвался, а между тѣмъ дождь полилъ. »Вотъ это у меня значить—*ничего* поохотиться, сказала онъ. — Хорошо, что вы цѣлили въ лѣвыхъ отъ меня; 27 штукъ! Да если только панъ Бернаръ узнаетъ, то онъ все волосы себѣ вырветъ, — такой завидливый!

— Какъ же мы ихъ заберемъ? спросилъ я.

— А у Прокопца-выкупщика попросимъ мѣшка, да проливень пересидимъ, отвѣчалъ Варахисій Исаевичъ.

Не тяжело намъ было нести жирныя, сентабрьскія утки; дождь,

правда, вымочилъ насъ; но хата была близко. Опять, когда мы переходили черезъ дворъ, залаяла на насъ собака, не оставляя своего мѣста подъ коморой, и чье-то усатое лицо выглянуло въ *квартирку*—украинскій *was-ist-das*. Мы вошли въ свѣтлицу.

— Добрі-вечір! говорилъ дьячекъ;—се ви, Анто́не?

Усатое лицо, которое починало неводъ, былъ самъ хозяинъ, Антонъ—Выкупщикъ, *багатіръ* перегоновскій — Прокопещъ. Въ свѣтлицѣ было очень чисто; подъ каждымъ образомъ, которыхъ на *покуті* было болѣе десяти, прилѣплена желтая восковая свѣчка; на *бѣломѣ*, вымытомъ столѣ, закрытомъ *рушникомъ*, лежитъ *палянця* и соль; у стѣнки — полъ, т. е. нары и на нихъ постель, съ пятью большими подушками; близъ нея—сундукъ, выкрашенный голубою краскою съ желтыми цвѣтами; возлѣ дверей — полка, на которой стояли миски *поливаниі*, *дѣбенські*, тарелки съ синими обводками; а на *припичку* большой печи сидѣла старая, престарая баба, вся въ морщинахъ, и пряла, напѣвая потихоньку, не смотря на нашъ приходъ, извѣстную на Украинѣ пѣсню:

Ти, пане Потѣцький,
Еретичий сїну!
Занапасти́въ Польщу, Лїтву
И всю Україну.
Була́ тво́я думка,
Щобъ́ коро́лемъ стати...
Не́ та́кимъ ќнямъ, пане-брате,
Въ Польщі́ кру́люва́ти.
А той панъ Пу́лавський
У Ту́рка въ за́лозі,
Пла́че, ту́жить и суму́е
О Польщі́ небѣзі!

Сѣдя, уже пожелтѣвшія пасмы волосъ, нечесанныя, выползали изъ-под холщеваго платка, которымъ была повязана голова бабы. Лицо ея все какъ замороженное и въ теплѣ оттаявшее яблоко, было покрыто рѣзкими и глубокими морщинами; изъ-под нависшихъ густыхъ бровей смотрѣли два черные, глубоко запавшіе глаза. Старуха не обратила на насъ никакого вниманія, и пока мы у Антона, ея сына, просили мѣшка, рассказывали свое *полюванье* и ѣли пшеничную кашу съ масломъ, баба всё продолжала погребальнымъ голосомъ пѣть горькую думу, послѣднюю жалобу уже несуществующаго королевства.

Я люблю старину и былевые пѣсни нашего Западноровья, оттого ли,

что въ бѣшенную юность, на бѣшенномъ конѣ, лунною ночью, я разбросалъ по ея стенамъ, заросшимъ перекати-полемъ и устѣяннымъ курганами, этими нѣмыми свидѣтелями загадочной старины, много горячихъ грезъ, которыя тогда яенѣ понимались, теплѣ ложились на душу; оттого ли, что я много съѣлъ здѣсь сочныхъ сливъ и розовыхъ кавуновъ и что у меня есть много знакомыхъ шалинокъ, балокъ, гуцовинъ, откуда выкрадывается лисица; оттого ли, что у меня есть еще одна недосказанная причина; но повстрѣчаю ли, въ майскій вечеръ, чумацью *ва́лку*, остановившуюся ночевать на одвѣчномъ *Мурáвскомъ* или *Чорномъ шляху*, широкомъ и поросшемъ чистою травою, на которой едва замѣтны колеи, — я всегда скажу сѣдому, черствому чумаку, сидящему около *багáтя*: «добрій-вечірѣ, козáче!» поѣмъ его каши и пшеничныхъ сухарей, спрошу, приставадь ли онъ или отецъ его, недоходя Конскихъ водъ, у бѣлой хаты Зимовника, надъ рѣчкой, у уединенной балки или у крыницы съ журавлемъ и жолобомъ, и, перешагнувъ за Днѣпръ, у Никитина перевоза; мазалъ ли онъ свою рубаху дегтемъ, заряжалъ ли свою рушницу, вынималъ ли изъ воза пику, вѣшалъ ли онъ на шею гаманъ съ печатнымъ билетомъ, казенною печатью и турецкимъ переводомъ этого ярлика; много ли татарскихъ табуновъ встрѣчалъ его батѣю до Перекопской *бáшты*, и обижали ль его на соленыхъ озерахъ дыздари, иманы и каймаки. Увижу ли въ лѣтній жаркій полдень, возвращаясь съ охоты, дѣда, сидящаго на широкой *присѣбѣ*, любующагося божьимъ солнышкомъ и своими внуками, а можетъ и правнуками, пересыпающими песокъ на улицѣ, — я всегда подойду къ нему и узнаю: «чи плаче козákъ старѣсенъкий, та по своій молодóстѣ,» увидѣвши, какъ говоритъ пѣня, орла летающаго высоко надъ берегомъ синяго моря; помнить ли онъ *ру́ину*; сидятъ ли еще гдѣ-нибудь на паперти церковной *бува́льці* съ отрубленными на-крестъ рукою и ногою, по суду одного человѣка, жестокость котораго сеймъ долженъ былъ унимать особымъ декретомъ; большой ли былъ онъ въ Великую зиму? Встрѣчу ли я, ѣдучи къ Василью Васильевичу, въ стѣрый денекъ, козака, въ кобелякъ, въ барашковой шапкѣ и съ *каптуро́мъ*, ѣдущаго частой рысью, на поджаромъ рыжемъ конѣ, — мнѣ уже такъ и кажется, что онъ свою жінку промѣнявъ на тютюнъ та люльку, или везетъ дукаты куда-нибудь далеко, къ пузатому пану. Точно, любить Украину — моя болѣзнь — моя *maladie du pays*, и потому когда я все свое вниманіе у Прокопца сосредоточилъ на бабѣ и разсматривалъ ее съ жадностью, подобною той, съ какой смотреть нумизматъ на старую пантикапейскую монету, а диле-

тантъ на фрески Мурильо и фламандскіе скиць-фрески Рубенса и Вандика. Нѣтъ для меня красоты опаснѣе 80 лѣтней старухи, живой развалины, которая надорваннымъ, неровнымъ, но очаровательнымъ для меня голосомъ поетъ старинный народный *романъ*, и трясется отъ дряхлости.

Мой козакинъ, совершенно мокрый, сохъ на печи. Варахисій Исаевичъ давно уже вложилъ утки въ мѣшокъ, а дождь не переставалъ, но всё еще увеличивался.

Антонъ былъ человѣкъ большого практическаго ума, только съ свойственной нашей почвѣ логикой. Въ разговорахъ нашихъ, была большая вѣжливость, особенно когда дьячокъ, на вопросъ его: кто я? отвѣчалъ ему, что должно быть офицеръ и дворянинъ, только не шляхтичъ.

Говорили мы о холерѣ.

— Теперъ на всій околиці нікого нема старійшого одъ моєї нѣні, продолжалъ Антонъ. — Старій Юзефінський Заецъ давъ дѣба, певно, не відъ холеріі. а одъ літѣ. Отъ коли бувáli ви въ Макіевській пѣркви, то одъ прáвого криласа, може бачили икону Спáса, що Заецъ пожертвувавъ Бóгу на викушъ гріхівъ, ще за королевство, якъ чумá грасовála. Старій бувъ дуже чоловікъ. Мати говорять, що ёму було літѣ сто; притомний и вмеръ, все памятавъ. Бувáло розказує, що тутъ у насъ по степахъ були такі озера зъ рибою, и травá, що віль якъ зайде, то й не відно.

— А *пéнци* вáшій, пáне Анто́не, скільки лічите? спросилъ я.

— Дá, літѣ девятьдесять може імъ и б́уде. Ви самі, пáне милостивий, роспитáйте їхъ; пошануйте вáшою горілочкою... ну, горілка!.. то вони вамъ такѣ скáжуть, що ви ище ні відъ ко́го и не чу́ли.

— Їхъ мáтушка, прервалъ дьячекъ, благодаря Антона за обѣдъ, отъ які старі, а що-неділі бувають у храмі.

— Ще зъ ун́уками, сказаль 65 лѣтній сынъ, то-рікъ на горóді поло́ли. Тільки глухá трóшки, да сердита така: все свáритця. Сказано, христіанінові ужé ма́бу́ть вáжко віку доживáти.

Старуха, переставъ напѣвать свою лебединую пѣсню, безсознательно смотрѣла на насъ. Умолкшее веретено лежало на ея колѣняхъ. Я взялъ у хозяина, вмѣсто своей охотничьей чарки, рюмку, разрисованную желтою масляною краскою, вытеръ ее рушникомъ, налилъ своей водки, и поднесъ старухѣ.

— Вікушайте, баб́усю, на здоровья.

Старуха, поклонившись, выпила.

— Що, баб́усю? зіма на-дворі, сќушно вамъ б́уде сидіти на печі?

— Байдужé! отвѣчала она.

— Хибá все однó, що въ садú сидить, що на печі!

— Старóму все рівно. абí костя́мъ теплі́йшъ.

— Будто жъ ви уже такі старі?

— Дá, старéнька-такі. Якъ Шва́чка бувъ у насъ у селі, то я носіла ё́му, дитино́ю, суні́ці та полу́ніці.

— Бúдто жъ ви, бабúсю, гайдама́чнину зазна́єте? спроси́въ я съ тайно́ю радостью.

— Отъ такъ-такі, па́не, чи я́къ васъ! да Шва́чка жъ при мо́їхъ о́чахъ Гроздо́вському-кателі́ку ќрасні чо́боткі по́шивъ! За правосла́віе підня́вся, щобъ насъ та по́шивъ на́шихъ не му́чили бази́ліяне та уні́я. Е́му, ба́чите, ца́риця гра́моту зо́лоту́ дала́; у скри́нці вінъ її вози́въ и намъ по́казува́въ. Отта́кі кі́тиці ⁽¹⁾.

— А що, бабúсю, стра́шно бу́ло, прерва́въ я ее, налива́я еще рю́мку aquae vitae—зго́го э́ликсе́ру, воскреша́ющего и уби́вающего.

— Правосла́вію нічо́го, а жи́дові и кателі́камъ бу́ло тя́жко щобъ це́ркви не отдава́ли и не бра́ли, я́къ корчмі́, въ о́ренду, такъ я́къ за Хмельни́цького.

— Хто жъ се бувъ Хмільни́цький? спроси́въ я.

— Хто! Гетьма́нъ, коро́ль коза́цький. Ді́дъ мій за ё́го роска́зува́въ. Во́йну, ка́же, съ Ля́хами то́чівъ за правосла́віе. Въ Бі́лій Це́ркви і за́мокъ ё́го обва́рований бу́въ.

— Вона́ вамъ, па́не, ще й не те роска́же, сказа́въ мнѣ Анто́нъ, ко́гда я, заня́тий кру́тими істо́рическими отвѣ́гами ба́бы, самъ незна́ю для чо́го, нали́въ ё́му рю́мку водки:—вона́ все зна́е, що́ бува́ло въ старо́вину́ не за на́шої па́м'яті. Бува́ло, що-неді́лі хо́дить до по́кійної ша́мбеляно́вої въ Васи́лівщину, та́мъ и но́чúе, все про́межъ со́бою *бала́кають*, я́къ-то ко́лись у сві́тахъ дія́лось. И те́перъ мовчи́ть де́нь, два, три, та вже я́къ и за́чне роска́зува́ть, то то́лько слуха́й!

—Ві́нь и Ки́ївъ и Украї́ну до ца́ря приверну́въ, та по́слі яко́сь изно́въ ца́риця ќрулю Станисла́ву подарува́ла Украї́ну, а Ки́ївъ изъсвяті́ми це́рква́ми, ажъ по са́мую Ми́тлицю, и съ черне́чими се́лами, бувъ Моско́вські́й.

(1) Извѣстно, что для большаго успѣха въ своемъ предпріятіи, гайдамаки составили поддѣльную такъ-названную въ народѣ *золотую грамоту*. Подлогъ приписывали лицу, озлобленному противъ иновѣрныхъ соперниковъ. Гайдамаки, безъ сомнѣнія и сами (кромѣ немногихъ) вѣровали въ неподдѣльность кроваваго акта. *Ред.*

»Вотъ какая ты баба!« думаю себѣ.

— Бѣдто, бабѹсю, уже такъ вѣжко було вамъ підъ Польщею одъ панівъ?

— Одъ панівъ ще не дѣже: панівъ — дідичівъ ніколи й не бачили; маѣнткомъ правили губернатори. Оддамó було *данѣну*, десятину всѣго, а *панщини* — хибѣ тільки дрóва возить. За віру, за благочѣстие бѣльде всѣго терпіли. Мучять було уніяти. Отъ недалѣко въ Мошнахъ, чи въ Медвині, — забѣла я, — зібрали уніяти сѣмъ благочестивихъ пошівъ: «кланяйтесь, кажуть, паніжу римському!» — «Не хочемо,» говорять. Во-ни взялита и посадили їхъ підъ сажъ, де годóванихъ кабанівъ держать...

— Виходить, бабѹсю, якъ ти говоришь, гайдамащина за віру постала.

— А тожъ чого? Тільки що москалі вмішались, не дали ходу Максиму Залізняка: — боялись, щобъ зновъ не зробилося козащини.

— Великий бувъ смѣтокъ, бабѹсю?

— Смѣтокъ бувъ Ляхамъ та Жидамъ; а якъ утихомирили, то зробився смѣтокъ и намъ: — шукали виноватихъ и ще гірше почали напирати на благочѣстія. Отъ усі ці сѣла: Макіевка, Перегóнївка, Деремозна, Василівщина, тоді перевернулись на ўнію.

— Такъ и ти, бабѹсю, була уніяткою?

— А якъже! Віра все, здаѣтца, однакова, тільки попѣ безъ бороди ходили въ *реверѣнді*; понашому неначе слѣжать, а *крыжѣмъ* якъ у костѣлі падають; и дзвони били, вечѣрню, ўтреню служили. Дітѣй маліхъ збирають, катехиза ўчать...

— И ти, бабѹсю, училась?

— А якъже! Такъ заразъ и питає: »А що е Панъ-Бугъ?« Скажешъ ёму, — вінъ яблукó або рѣжківъ изъ кишѣні вийме та й дасть.

— И довго була уніа?

— Гу-гу, я вже замужомъ була; Анто́на мого що уніа́тський пінь хрестивъ; а вінъ у мене не первий: була перва-покійна Галька, Самійло; а вінъ у мене трѣтій.

— Значить, якъ уже Польщу роздѣлили?

— Правду кажете. Бо якъ круль бувъ у насъ въ Василівщині; то добре памятаю, що ще не було благочѣстія.

— Ти и крѣля, бабѹсенько, бачила? Роскажи, мой зозуленько, усѣ якъ було!

— Отъ якъ се було, панічу. Се було въ одінь годъ зъ великою зімою (1787); якá вона була, вамъ, панічу, ма́бутъ, случало́сь чу́вати. Сніги були такі, що не доводъ Господи! Изъ хати дверей не можна було одчинить.

Одчистишъ снігъ у-день, а вночі зновъ такé завіє, що черезъ дірку въ криші треба вилізати на двіръ. Худоби нічимъ було кормити, топiti нічимъ. Такъ, якъупала зима на Покрову, то лежала до самого Юрія. Памяттю добре, передъ самимъ Благовіщеннямъ пройшла чутка, що король у Кавівъ іде, щобъ побачитись ізъ царіцею. Вінъ, розказували, бувъ їй братуха въ другіхъ; а въ Кіівъ, бачте, ёго не пускали пані: боялись, щобъ вінъ не втікъ. И нашъ панъ *грабя* Тарновскій приїхавъ, зъ жінкою, въ Василівщину, и напросивъ короля, якъ буде їхати зъ Хвастова, то щобъ и до ёго вступивъ. Оттамъ, де теперъ будинокъ пана Левандовського, въ ті часи бувъ замокъ и *зводзоний* мість и гармати, а кругомъ вода обливалася; на *висні* стоявъ; тільки одинъ бувъ до ёго вхідъ черезъ мість, та на нічъ ёго піднімали; нельзя було нікому увійти, якъ ёго, бувало, зведуть. Послі палаць той згорівъ; грабя маёнтокъ продавъ шамбеляну Проскурі: не захотівъ, знаєте, підъ Москалемъ оставатись. Ужé й *жовніри народові* прийшли, почали злизжатиця пані, чумъ — у дзвони дзвонять, въ гармати бьють; треба було и собі подивитиця. А тутъ ужé и закаръ есть: бігають по селахъ осаули на коняхъ и всі громади, чоловіківъ, жінокъ, дітей вигонять, щобъ на ранокъ у Василівщині стали привітати крўля. Кому було далéко йти, то може, ще зъ вéчора вийшовъ, а намъ недалéко, більшъ одиніхъ гоней нема ізъ Перегонівки въ Василівщину; да ще заказують одягнўтиця въ саму кращу одéжину, а одягались тоді куди лучче противъ теперішнього: все, бувало, въ жупанахъ синіхъ та зелéнихъ. Пішла и я съ дїтьми... Народу видимо-невидимо! и жіночого, мўжецького—якъ маківъ цвітъ горить. Бігає губернаторъ и всіаки економи, щобъ народъ поставити зъ обохъ боківъ *Трихвальної брами*. Коли якъ почали палити ізъ гарматъ, тоді и догадались усі, що значить круль виїжджає та виходить въ палацу на ганокъ; увесь народъ такъ и *ревé*, а гармати бьють! Переїхавъ вінъ черезъ мість, бачить у трихвальної брами недалéко стоить віль зъ золотими рогами, громади зъ хлібомъ сіллю, ужé значить на пожегання; вийшовъ вінъ ізъ *карїти*, кланяетця народу; такий пристойний, високій, у *фраці*, въ перуці, привітливий. Народъ ёму кланяетця, а вінъ народу, и поїхавъ зъ Богомъ на Потокъ.

— И ти, бабўсю, своїми очима все те бачила? сказавъ я, для того тільки, чтобы прислушаться къ послéдньому тону ея вѣрнаго историческаго расказа, который такъ безошибочно сохранился въ ея памяти.

— Своїми, своїми, панічу, якъ ніби вчора все те діялось. Старénка я дўже, дўже... на що менé Богъ милосérдний на світі держить...

— Ну, Варахисій Исаевичъ пора и домой! къ вечеру опять, дождь будетъ. Забирайте охоту нашу. Спасібі, Антоне, за хлѣбъ, за сіль! Спасібі тобі, бабѹсю, за старѣ слово....

Какъ была исторически вѣрна, въ своемъ разсказѣ, моя бабуся, Прокончиха, скажетъ для любопытныхъ Нарушевичъ и графъ Платеръ. (*Podróż Króla Stanisława Augusta do Kańiowa. Wilno 1860 года*)....» Король рано пріѣхалъ въ Бердичевъ. Онъ остановился въ палацѣ княгини, конюшины Литовской, Радзивиловой, урожденной Каменской. Эти четыре мили изъ Чуднова король ѣхалъ въ каретѣ; снѣгу было такъ мало, что въ саняхъ было неудобно ѣхать. Когда король въѣзжалъ въ городъ, его уже не встрѣчали пушечными выстрѣлами изъ Бердичевской крѣпости, потому что, заранѣе предупредили ксендзовъ Кармелитовъ, чтобы они оставили въ покоѣ свою артиллерію; шесть лѣтъ назадъ зарядъ чуть не попалъ въ королевскую карету. Во время обѣда, его величество спрашивалъ: какъ великъ у Кармелитовъ ихъ крѣпостной гарнизонъ? Отвѣчали, что онъ состоитъ только изъ 24 человекъ; а когда рѣчь зашла о богатствѣ мѣстечка, Потоцкій, старостичъ Гузовскій, отвѣчалъ: что болѣе всего мѣстечку благопріятствуютъ ярмарки, изъ которыхъ значительнѣйшая Ивановская, во время которой, торговля между купцами русскими, польскими и турецкими, такъ бываетъ значительна, что въ торговомъ оборотѣ можно считать до нѣсколькихъ милліоновъ золотыхъ.

»19 марта, въ день св. Іосифа, въ половинѣ восьмого поутру, король изъ замку отправился къ обѣднѣ, а послѣ простившись съ княгиней Радзивиллѣ и Воронишевой, каштеляновой Белзской, съ сенаторами и помѣщиками, прежде чѣмъ сѣлъ въ экипажъ, велѣлъ себѣ показывать крѣпость. На обѣду, отца-коменданта не было дома, а пріоръ не умѣлъ ее хорошо представить. Найяснѣйшій панъ, имѣя въ немъ дурного проводника, ничего не увидѣвши, выѣхалъ изъ Бердичева въ дурномъ расположеніи духа. По этому поводу, думалъ я, добавляетъ Платеръ, что для от. Кармелитовъ было бы плохо, еслибы кто-нибудь подалъ ему мысль, отобрать отъ монаховъ крѣпость и назначить коронаго коменданта, съ приличнымъ гарнизономъ, такъ какъ сдѣлано въ Ченстоховѣ, гдѣ Паулины имѣли прежде свою команду и содержали *praesidium*; а теперь, избавленные отъ этихъ житейскихъ хлопотъ, имѣютъ майора комендантомъ и сто человекъ гарнизону, которыхъ содержать изъ своихъ доходовъ. Желая развеселить короля, мы, съ генераломъ Комаревскимъ, рассказывали ему дорогою о войнѣ Бердичевскихъ

Кармелитовъ съ Любельскими Доминиканами, которые долго тягались съ ними за тѣло Януша Тишкевича воеводы Кіевского, умершаго въ Люблинѣ во время войнъ Хмельницкаго, изъ которыхъ первые, по суду пріобрѣвши прахъ своего фундагора въ 1759 году, рѣзной мавзолеей тому же Тишкевичу въ своемъ костелѣ сдѣлали..... какъ потомъ, во время послѣднихъ конфедератскихъ волненій, всѣ женщины собравшіяся изъ Брацлавскаго и Подольскаго воеводствъ, должны были перенутаться, когда Кречетниковъ, осаждая конфедератовъ, запершихся въ кляшторѣ, пустилъ бомбу, а она, пробивши сводъ церкви, влетѣла въ нее и упала среди толпы.

»Такъ разговаривая, мы доѣхали до *Бѣлополя*, родового имѣнія Викентія Тишкевича референдарія Литовскаго, который былъ женатъ на племянницѣ короля, родной сестрѣ Юзефа Понятовскаго. Народъ радостными кликами привѣтствовалъ короля; но онъ, не останавливаясь и минуя мѣстечко, поѣхалъ прямо въ *Чернорудню*, имѣніе каштеляна Каменецкаго, Свейковскаго. Здѣсь только завтракали, перемѣнили лошадей и поѣхали далѣе. Часу въ первомъ по полудни на мѣсто бискупа Нарушевича, который испросилъ у короля позволеніе ѣхать въ *резервь*, въ его карету сѣлъ генераль Любовицкій и такъ ѣхали до *Паволочи*. Здѣсь Зѣлинскій, каштелянъ Бецкій и Цырнъ, староста Тарабовскій встрѣтили короля въ ратушѣ, гдѣ ему приготовленъ былъ ночлеги. На другой день, 20 марта въ 8 часовъ утра, король выѣхалъ изъ *Паволочи* по сухой дорогѣ, немножко попорошенной снѣгомъ и чрезъ два часа прибылъ въ *Почуйки*, деревню Рыльского, гдѣ, встрѣченный владѣльцами, вышелъ на нѣсколько шаговъ изъ кареты. Неожиданно нашелъ онъ, среди украинскихъ степей, прекрасно меблированный домъ, хотя и деревянный, и въ немъ хозяевъ и гостей не льстецовъ придворныхъ и не дикихъ домохозяевъ. Два родные брата Рыльскіе, владѣльцы Почуекъ, были сыновья того Рыльского, который при жизни Мнишка, каштеляна Краковскаго, нѣсколько лѣтъ управлялъ Бѣлоцерковщиной, и, какъ главный губернаторъ, получая 12,000 злотыхъ жалованья, при воздержномъ образѣ жизни, по смерти своей оставилъ дѣтямъ двѣ деревни.

»Въ этомъ безлѣсномъ краѣ чрезвычайно трудно обзавестись деревянными строеніями; поэтому и отопленіе здѣсь много стоитъ; но нужда — мать изобрѣтеній, пишетъ Платеръ: я, съ истиннымъ удовольствіемъ, увидѣлъ здѣсь подражаніе открытію, которое до этихъ поръ приписывалъ себя, это — огрѣваніе двухъ избъ однимъ огнемъ.

»Король выѣхалъ въ 10 часу отъ Рыльскихъ, и переѣхавши за ми-

лю отъ Хвастова валь раскопанный на дорогѣ и тянущійся далеко по обѣимъ сторонамъ ея, пріѣхалъ, въ первомъ часу, въ *Хвастовъ*, мѣстечко принадлежащее Кіевскому бискупу. Его принимали въ бискупскомъ дворцѣ каноники Кіевскіе: Палуцкій, архидіаконъ Черниговскій, и officialъ Стецкій, коадьюторъ архидіакона Кіевского, и Островскій, каноникъ Кіевскій, управляющій бискупскимъ имѣніемъ. За обѣдомъ разговоръ коснулся уманской рѣзни (*rzeź humańska*); разказывали королю, что въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, въ которыхъ онъ находится, и на дворѣ, во время этой страшной рѣзни, семьсотъ человекъ пали жертвой.... Послѣ ксендзъ Палуцкій говорилъ о кристаллахъ, находящихся подъ Бѣлополемъ, краснаго, бѣлаго и желтаго цвѣта, которыхъ образцы показывалъ и ошлифованнымъ въ персти и въ природномъ видѣ. По этому поводу ксендзъ Островскій разказывалъ, что когда Маршалкова Сангушкова, лѣтъ 30 назадъ, дѣлала фундаментъ для своего Заславскаго замка, то рабочіе нашли окаменѣлый скелетъ слона, который, выкапывая, по неосторожности, разбили на куски. По хуже этого то, что народъ, превратя эти кости въ порошокъ, какъ лекарство употреблялъ отъ поноса.

»Послѣ обѣда и кофе, часу въ пятомъ, неожиданно пріѣхалъ изъ Кіева фельдмаршалъ князь Потемкинъ, намѣстникъ Тавриды и Екатеринославля, послѣ покупки Смѣляницыны, за два миліона рублей, польскій шляхтичъ и помѣщикъ, вмѣстѣ съ графомъ Штакельбергомъ, русскимъ посланникомъ при польскомъ дворѣ, гетманомъ Браницкимъ и принцемъ Нассаускимъ, засвидѣтельствовать королю свое уваженіе.

»Для короля, истомленнаго четырехъ-недѣльной дорогой и получившаго насморкъ, пріѣздъ этихъ неожиданныхъ гостей былъ пріятнымъ и успокоительнымъ случаемъ; а какъ они, рано выѣхали изъ Кіева, и нигдѣ не обѣдали, то король приказалъ подать кофе покуда будетъ для нихъ къ 7 часамъ приготовленъ ужинъ. Его величество, хотя и не ужиналъ, но сидѣлъ за столомъ, пилъ за ихъ здоровье, и полный попечительной доброты, пошелъ самъ съ ними во флигель, для нихъ назначенный, простился съ ними и уходя, не велѣлъ беспокоиться провожать себя обратно. Передъ ужиномъ еще наивѣстнѣйшій панъ познакомилъ съ княземъ Потемкинымъ бискупа Нарушевича, который, чрезъ свое новое сочиненіе *Taurika*, былъ для намѣстника этого края еще болѣе замѣчательнымъ; князь задержалъ его у себя болѣе часу, разговаривая съ нимъ объ исторіи Скивовъ, Хозаровъ, Гунновъ, Угровъ и другихъ, ко-

торые когда-то заселяли эти мѣста, и о родствѣ или сходствѣ языковъ греческаго съ латинскимъ, турецкаго съ арабскимъ.

»Король зная, что гости его, только на другой день послѣ завтрака располагали выѣхать, рѣшился слѣдующій цѣлый день пробывать въ Хвастовѣ.

»21 марта въ 8 часовъ, всѣ были уже одѣты. Графъ Штакельбергъ имѣлъ аудіенцію у короля. Послѣ дали знать князю, что онъ можетъ уже представиться королю. Потемкинъ сообщилъ тогда пріятную для Польши новость, что императрица, въ день своего рожденія, даровала крымскимъ гаванямъ порто-франко, выгодное для Польши и для Черноморской торговли. Послѣ, кіевскіе гости сѣли за вистъ, а король занимался въ кабинетѣ, игра продолжалась до полудня; а какъ князю надо было поскорѣе возвращаться въ Кіевъ, то онъ и намекнулъ объ обѣдѣ, который король велѣлъ подавать въ половинѣ перваго. Потемкинъ, пишеть Платеръ, выказалъ за обѣдомъ глубокое знаніе исторіи русской и граничившихъ съ нею государствъ, ихъ вѣры, языка и обычаевъ; но все же пріятнѣйшимъ разговоромъ былъ для него Крымъ.... Король пилъ за его здоровье, — Потемкинъ всталъ и не хотѣлъ сѣсть, отвѣчая наяснѣйшему пану пріятнымъ комплиментомъ, что онъ обыватель польскій.

»Послѣ обѣда князь Потемкинъ откланялся, а на предложеніе дружбы, сдѣланное королемъ, обѣщалъ ему свое доброжелательство и, поцѣловавъ руку въ знакъ покорности (!), отправился обратно въ Кіевъ.

»Мы также на завтра, говоритъ староста Инфляндскій, выѣзжаемъ изъ Хвастова, который припомнить потомкамъ нашимъ дни пребыванія въ немъ короля польскаго и вниманіе, оказанное ему особой сильной въ европейской политикѣ. Къ этому еще надо припомнить, что ханъ крымскій Шейнъ Гирей, подавшійся Россіи со всѣмъ своимъ краемъ, неизвѣстно почему, оставивъ (въ Кагулѣ) спокойное мѣстопробываніе и 80,000 пансіону, отдыхалъ въ Хвастовѣ на пути въ Турцію, десять дней, сопровождаемый двумя своими канцлерами, двумя маршалками двора, тремя стами слугъ татаръ и конвоемъ русскихъ изъ восьмидесяти челоуѣкъ, подъ командою полковника.

»Король, выѣзжая изъ Хвастова 22 марта, взялъ въ свой экипажъ принца de Ligne и графа de Dillon. Предъ Мытницею, половина которой принадлежала гетману Браницкому, а другая Руликовскому, его встрѣтилъ генераль-лейтенантъ Потоцкій, воевода русскій, начальникъ украинской дивизіи, съ почетнымъ карауломъ и отсалютовавъ его палашемъ,

верхомъ провожалъ на станцію. Тамъ, простившись съ тѣми, которые ѣхали въ Кіевъ, король въ одномъ экипажѣ съ Потоцкимъ, Нарушевичемъ и Платеромъ, ѣдучи почти по чертѣ русской границы, часу въ третьемъ гдѣ пріѣхалъ въ *Василевщину*, отъ владѣльцевъ ее графа Тарновскаго и супруги его, урожденной Устрицкой, былъ радушно принять.

»Палацъ здѣшній окруженъ водою, а большая деревня, его окружающая, тянется далеко яромъ. Это мѣстоположеніе припомнило мнѣ (я позабылъ записать), что почти отъ самого Чуднова, ѣхавши низинами и степями, на пространствѣ трехъ, четырехъ и пяти большихъ украинскихъ миль, мы не видѣли ни одной деревушки; онѣ всѣ скрывались отъ насъ въ ярахъ, гдѣ жители удобнѣе могли пользоваться водою, текущею въ долинахъ. Другая замѣчательность въ степяхъ украинскихъ, — это разсѣянные по полямъ могилы, обыкновенно называемыя курганами, которыхъ значительное число останавливаетъ любознательнаго путника. Общее мнѣніе относитъ ихъ ко временамъ татарскихъ набѣговъ и козачьихъ бунтовъ, которыхъ театромъ была Украина; но безчисленное множество этихъ могилъ, выкапываемыя изъ нихъ кости, уже обратившіяся въ бѣлый порошокъ и въ мѣло-подобную массу, кажется доказываютъ, что то старѣе набѣговъ татарскихъ. Къ этимъ замѣчаніямъ привели насъ чаще обыкновеннаго сегодня замѣчаемыя могилы. Историческая проницательность Нарушевича, знакомство короля съ мѣстностью и нѣкоторыя замѣчанія Потоцкаго, склоняли гипотезу къ тому, что могилы могли быть указаніемъ войнъ Дарія, потому, что онъ, по Геродоту, гнавши Скивовъ, переходилъ Дунай и Гишпанию, нынѣшній Бугъ, протекающій въ Украинѣ. Его многочисленныя полчища могли быть причиною и сраженій и могилъ; теперь еще попадаются, выкапываемыя въ разныхъ мѣстахъ мѣдные наконечники скифскихъ копій; а Геродотъ упоминаетъ, что оружіе Скивовъ было — копіе съ мѣднымъ остріемъ. Прибывши въ *Василевъ*, король пообедалъ въ третьемъ часу и поговоривши съ подскарбіемъ Литовскимъ, по причинѣ кашля и головной боли, удалился въ свои покои, предоставляя обществу полную свободу. Часу въ шестомъ послѣ обѣда найяснѣйшій панъ вышелъ изъ своихъ комнатъ, несмотря на сильную боль головы. Въ залѣ былъ сдѣланъ гротъ, украшенный сосновыми вѣтвями и гирляндами, а посреди его стоялъ алтарь, сдѣланный съ дерну. Передъ вензелемъ короля, стоящемъ на алтарѣ, графиня съ панной *Puzynianka, starosćianko Upik-ska* и другими дамами, пѣли приличныя этому случаю строфы; а въ

сторонѣ, старецъ, аллегорическое Время, держалъ раскрытую книгу и писалъ въ ней слѣдующее: »Въ 1787 году 22 марта его величество Станиславъ Августъ король Польскій, великій князь Литовскій, при проѣздѣ своемъ въ Каневъ, осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ домъ графа и графини Тарновскихъ въ ихъ наслѣдственномъ имѣніи Василевщинѣ, въ воеводствѣ и повѣтѣ Кіевскомъ находящейся, на память вѣкамъ, и собственноручное воспоминаніе этого радостнаго дня оставилъ« :

»Послѣ окончанія куплетовъ, графиня положила у ногъ короля своего малютку-сына, а прочія дамы — букеты цвѣтовъ.

»Когда Тарновскіе просили короля подписать написанное, онъ не только исполнилъ ихъ желаніе, но еще собственноручно прибавилъ: »и орденъ св. Станислава давно служащему отечеству и королю, хозяину дома графу Тарновскому, племяннику, вѣчной памяти, Мокроновскаго, воеводы мазовецкаго, друга короля, пожаловалъ« .

»Король, говорили мнѣ«, пишетъ Платеръ, »едва могъ написать эти слова такъ у него болѣла голова; поэтому, онъ ранѣ простился съ хозяевами, не принявъ участія въ ужинѣ, которымъ угощали его свиту; кубки за здоровье его величества сопровождались частыми пушечными выстрѣлами. Проснувшись ранѣ всѣхъ, я узналъ, что король еще спитъ; но черезъ часъ докторъ Беклеръ увѣдомилъ всѣхъ присутствующихъ въ залѣ, что король, не спавши до часу по-полуночи, послѣ до семи часовъ утра спалъ спокойно, и это благотвительно подѣйствовало на его здоровье.

»Въ Васильевѣ представлялись королю: Анкута, судья брестъ-литовскій, Федоровичъ вице-регентъ житомирскій, Мровчинскій поручикъ коронныхъ войскъ, Островскій чесникъ сановскій, Піотровскій скарбникъ нурскій, Ржеплинскій войскій трембовльскій, Володкевичъ чесникъ новгородскій и два Выговскіе подсудки кіевскіе.

»Въ девять часовъ король вышелъ, одѣтый по дорожному, простился съ Тарновскими, которые пожелали еще проводить его до слѣдующей станціи и выѣхалъ изъ Василева, взявши съ собою меня и Нарушевича; мы проѣзжали черезъ триумфальные ворота, для этого случая сдѣланные. на которыхъ была надпись: »Станиславу Августу — народъ.«

»Мы опять проѣзжали черезъ тотъ самый валъ, который идетъ около Паволочи и, по преданіямъ, называется Траяновымъ, или Змѣевымъ. На пространствѣ трехъ миль дороги по голой степи, засѣянной только могилами, глаза ни на чемъ не могли остановиться; только въ половинѣ перваго мы начали спускаться въ яръ и пріѣхали въ деревушку, въ которой, еще

разъ на нѣсколько минутъ, Тарновскіе принимали короля. Подали завтракъ; лошади отдохнули, и всѣ тронулись въ Каневъ. Не доѣзжая полмили до *Потока*, мы видѣли приготовленную иллюминацію на столбахъ, отстоящихъ одинъ отъ другого на нѣсколько сажений, на которыхъ прикрѣплены были связки лучины, омоченной въ смолѣ. При вѣздѣ въ Потокъ, короля встрѣтилъ народъ, стоящій рядами по обѣимъ сторонамъ триумфальныхъ воротъ, сдѣланныхъ хотя въ деревенскомъ вкусѣ, но по правиламъ архитектурнымъ, и священникъ греко-россійскаго исповѣданія, съ клиромъ и крестомъ, привѣтствуя короля короткою рѣчью на славянскомъ языкѣ; потомъ шли многолѣтіе и раздавались клики народа.

»Предъ домомъ, приготовленнымъ для короля, встрѣтили его: Дѣдушицкій писарь литовскій, Деболи министръ польскій, изъ Петербурга, и Заблоцкій консулъ херсонскій, которые приглашены были къ обѣду. Послѣ кофе, король, поговоривши съ Деболи, ушелъ отдыхать, а мы разошлись по квартирамъ. Правда, насъ, было, пригласилъ князь подскарбій къ себѣ и предложилъ вистъ; но какъ моя квартира была за 4450 шаговъ и я положительно рѣшился, чтобъ въ моемъ дневникѣ *nil la dies sine linea* не проходилъ, то оставивъ всѣхъ и пошелъ домой.

»Въ восемь часовъ 24 марта, всѣ мы собрались къ выходу, потому что отъѣздъ былъ назначенъ попозднѣе; въ девять король сѣлъ въ экипажъ съ тѣми же, съ кѣмъ пріѣхалъ. Въ Потокѣ, одинъ крестьянинъ хотѣлъ привѣтствовать короля рѣчью, но какъ того же добивались и два другіе, а времени не было, то ничего и не вышло. Король, узнавши объ этомъ на другой день, приказалъ остановиться экипажу и выслушалъ рѣчь. Эта встрѣча стариками, избранными громадой, предлагавшей хлѣбъ-соль, пару сѣрыхъ жеребцовъ, пару сѣрыхъ воловъ, пару сѣрыхъ овецъ, и барашковъ, очень понравилась королю; онъ далъ имъ поцѣловать руку, и выѣхалъ въ хорошемъ расположеніи духа.

»Въ Степанцахъ, двѣ мили за Потокомъ, еще разъ привѣтствовали его толпы народа; наконецъ показался — *недостижимый Каневъ*....»

П. Ревякинъ.

ПОЛЯКАМЪ ОБЪ УКРАИНЦАХЪ.

(ОТВѢТЪ НА БЕЗЫМЕННОЕ ПИСЬМО.)

Пишущій эти строки получилъ письмо, на польскомъ языкѣ, безъ подписи автора и безъ означенія, куда адресовать отвѣтъ. Письмо, между тѣмъ, вовсе не такого содержанія, чтобы отвѣчать на него не слѣдовало. Кто бы ни былъ мой тайнственный корреспондентъ, но его мнѣнія, очевидно, принадлежать не одному ему, а выражаютъ убѣжденія цѣлаго кружка, а, можетъ быть, и общества. Это обстоятельство стоить того, чтобы посвятить нѣсколько времени на печатную переписку.

Прежде всего я долженъ сказать, что безыменное письмо обнаруживаетъ въ его авторѣ человѣка хорошо воспитаннаго. Какъ ни предубѣжденъ онъ противъ моей литературной дѣятельности, онъ вездѣ сохранилъ формы рѣчи, приличныя публичному объясненію, и если выразился кое-гдѣ рѣзко, то не иначе, какъ въ интересахъ своей общественной идеи. Автора поразили два стихотворенія мои, напечатанныя въ сентябрьской книжкѣ *Основы*: именно *Солойця* и *Кумѣйки*. Признавая за ними, съ свойственною просвѣщеннымъ Полякамъ любезностію, достоинства литературныя, онъ говоритъ, что цѣль ихъ ошибочна и, притомъ, умышленно-ошибочна. Авторъ письма не допускаетъ мысли, чтобы мы, украинскіе писатели, не знали нынѣшнихъ отношеній украинскаго простонародья къ шляхтичамъ-Полякамъ правой стороны Днѣпра, а между-тѣмъ, въ стихотвореніяхъ моихъ, равно какъ и въ разныхъ статьяхъ украинскаго вѣстника *Основы*, онъ видитъ желаніе вооружить противъ шляхты украинское простонародье. Вотъ его собственныя слова, въ переводѣ:

»Мы умѣемъ оцѣнить, сколько благородныхъ побужденій въ трудахъ вашихъ... Мы не только не подавляли никогда, съ нашей стороны, этого стремленія, но всегда ему сочувствовали, и вѣрьте мнѣ — не Поляки будутъ васъ порицать. Но что намъ больно, и больно по справедливости, такъ это то, что вы положили въ основаніе вашихъ трудовъ убѣжденія ошибочныя и стараетесь ихъ утвердить на счетъ нашего прошедшаго и настоящаго. Вы смѣтрите на насъ, какъ на шляхту XVII вѣка, навязываете намъ титулы и убѣжденія, которымъ мы ужъ не придаемъ никакого вѣсу, не хотите разсудительно понять того преобразованія, которое выработалъ Польскій народъ бѣдственными опытами въ послѣдніе семьдесятъ лѣтъ, не хотите уразумѣть, во имя какой идеи страдалъ онъ... и бросаете въ него обвиненія вмѣстѣ съ его врагами. За что? спрашиваю васъ. За то, что стоитъ онъ передъ вами.... со слезами на глазахъ... и раною въ сердцѣ? Не пустыя фразы вамъ говорю, а правду, не презрѣніе выражаю, а сердечную боль. Не полемика также занимаетъ меня, когда я вижу, какъ искусительно стараетесь вы растравлять инстинкты народа и даете ему ножъ въ руку. Хотѣлось бы мнѣ вѣрить, что вы не знаете нынѣшней Польши, что нынѣшнюю шляхту считаете такою, какою была она во времена Хмельницкаго, и потому съ отвращеніемъ отъ насъ отворачиваетесь. Тогда бы одна искренняя наша бесѣда съ вами объяснила все дѣло. Но я не могу такъ думать о людяхъ, пишущихъ исторію и разныя другія сочиненія. Не могу также допустить мысли, что вамъ не извѣстно нынѣшнее положеніе Украинско-русскаго народа и что вы не знаете, на какую ступень поднялся онъ вслѣдствіе крестьянской реформы. Вы должны знать, что онъ вышелъ изъ крѣпостной зависимости и что унижительныя отношенія между помѣщикомъ и крестьяниномъ болѣе не существуютъ. А если вы это знаете, то за что же стараетесь поддерживать въ народѣ ненависть къ шляхтѣ, вмѣсто того, чтобы залечивать старыя раны? Эта ненависть не оправдывается ужъ теперь ничѣмъ, и по совѣсти можно сказать, что въ вашихъ сочиненіяхъ ея больше, нежели въ сердцахъ народа. Не смѣшивайте эпохъ и понятій историческихъ и не принимайте старинной шляхты за одно и то же съ нынѣшнею: тогда вы вѣрнѣ поймете наши достоинства и недостатки. На шляхтѣ лежитъ отвѣтственность за состояніе Руси до конституціи 3-го мая 1791 года; но... за послѣдніе семьдесятъ лѣтъ обвинять ее безусловно нельзя, потому что ужъ не она тутъ распоряжалась... Всегда она обращалась къ украинскому народу съ словами: wolność i równość! Будила она его этими

словами, когда онъ еще не понималъ ихъ значенія, какъ начинаетъ разумѣть теперь. Вы упорно молчите(?) объ этомъ и изучаете нашу исторію. Вы хорошо помните, что у насъ были Жолѣвскіе и Вишневецкіе, а не хотите знать, что были у насъ также Костюшки и Ружицкіе... Въ вашей исторіи и въ убѣжденіяхъ вашихъ, польскій шляхтичъ — какая-то вредная личность. Пора бы выразумѣть ее безпристрастиѣ. Вы привыкли отличать шляхтича отъ народа и считать его чужимъ народу, пришлымъ. Кромѣ сословныхъ привилегій, шляхтичъ у васъ не имѣетъ за собой ничего и на Руси играетъ исключительную роль угнетателя, а народъ постоянно находится въ борьбѣ съ нимъ, какъ элементомъ, препятствующимъ цивилизаціи и общественному благосостоянію. Это убѣжденіе утвердилось вашими историками, и за него вы ухватились тѣмъ охотнѣе, что оно чрезвычайно упрощало вопросъ о народныхъ правахъ согласно съ демократическими понятіями, а численное меньшинство шляхты совершенно подчиняло этимъ правамъ. Между тѣмъ, вникнувъ поглубже въ исторію, вы бы должны были убѣдиться, что самоправно уничтожать на Руси шляхтича въ пользу народа вы не имѣете права; что онъ, по крови, по заслугамъ и жертвамъ, которыя принесъ, такой же добрый Русинъ, какъ и всякій другой; что туловищемъ, исключительно простонароднымъ, покрывать Украинско-русскую землю не возможно, если хотите въ этомъ вопросѣ относиться къ историческому праву. Такой выходъ ставить весь вопросъ въ иномъ свѣтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ вы польскую шляхту, живущую здѣсь цѣлыя столѣтія и служившую отечеству, называете теперь чуждою и не признаете за нею помѣстныхъ правъ единственно потому, что она сдѣлалась сословіемъ и образовалась въ духѣ польской цивилизаціи? Вы можете порицать эту цивилизацію, можете опровергать привилегіи шляхетскаго сословія, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы вы имѣли право лишить ее наслѣдства въ пользу народа. Такое истолкованіе права исключительно въ пользу народа такъ же несправедливо, какъ было бы несправедливо истолкованіе его исключительно въ пользу шляхты. Шляхту въ украинской Руси составляютъ большею частію роды искони-русскіе и меньшею частію нобилитованные на сеймѣ литовскіе и польскіе, которые роднились съ первыми и, заселяя эту землю, устраивали города и слободы. Извѣстны судьбы обитателей этой земли: два раза войны обращали ее въ пустыню, а южная часть Украины населена не болѣе ста лѣтъ назадъ. Поэтому не думаю, чтобы вопросъ о земской давности могъ тутъ въ чемъ-нибудь поддерживать права народа, который, въ большей

части примѣровъ, поселился на этой землѣ въ силу правъ, данныхъ ему наслѣдственной шляхтою. Тѣмъ болѣе не понимаю, какъ это-вы отказываете шляхтѣ въ правѣ на обладаніе землею, или лишаете ее наслѣдства въ пользу народа.»

Такъ пишетъ ко мнѣ неизвѣстный корреспондентъ и приводитъ свою рѣчь къ тому, что развитіе украинскаго народа въ интересовъ шляхетскаго меньшинства въ западной Украинѣ не приведетъ этотъ народъ ни къ чему, достойному сочувствія просвѣщеннаго человѣчества, и что судьбы югозападной Руси неразлучны съ судьбами Польши въ будущемъ, какъ они были неразлучны въ прошедшемъ.

Прежде, чѣмъ подвергну безпристрастному разбору выписку изъ его письма, считаю нужнымъ заявить, что о прошедшемъ нашемъ мы, Украинцы, судимъ по своему, и понятія наши объ историческомъ правѣ не совпадаютъ съ понятіями шляхетско-польскими, а будущаго мы себѣ не чертимъ опредѣлительно, какъ дѣлаютъ Поляки, не чертимъ по той простой причинѣ, что въ будущемъ все зависить отъ множества непредвидимыхъ явленій и комбинацій. Главное наше дѣло — пользоваться достойнымъ образомъ настоящими условіями нашего положенія. Главная наша цѣль — узнать самихъ-себя, ознакомиться другъ съ другомъ, научиться всему хорошему, всему жизненному другъ отъ друга, утвердиться въ основныхъ своихъ понятіяхъ о народѣ и его потребностяхъ. Мы никуда не рвемся безъ оглядки; мы терпѣливо сносимъ неудобства настоящаго нашего положенія, изъ любви къ тому великому дѣлу, которымъ мы заняты. Мы твердо убѣждены, что, употребляя въ свою пользу настоящее, мы каждый день творимъ свое невѣдомое будущее. Оно придетъ, оно не можетъ не придти; но блага грядущей судьбы народа обуславливаются его внутренними достоинствами. Не говорите намъ, гг. Поляки, что вы, какъ сословіе цивилизованное въ западной Украинѣ, можете вести дѣло народное впередъ, что вы, какъ потомки людей политическихъ, замѣните намъ недостатокъ понятій гражданскихъ, etc. etc. До тѣхъ поръ, пока мы сами собою не придемъ къ убѣжденіямъ, похожимъ на ваши, мы для васъ — или безжизненная, апатичная масса, или — толпа фанатически враждебная. Вы любите свой языкъ, свои преданія народныя. Позвольте и намъ заняться своимъ языкомъ и изученіемъ всего того, что съ нами когда-либо происходило. Вы любите свой языкъ за то, что онъ развитъ великими писателями, а свои преданія за то, что они исполнены славныхъ воспоминаній и героическихъ бѣдствій. Предоставьте же намъ сравнитель-

но незавидное право — любить свою простонародную рѣчь, какою былъ когда-то и вашъ развитой уже языкъ, и углубляться въ воспоминанія о нашемъ политическомъ и гражданскомъ ничтожествѣ, которое нѣкогда, во времена вами забытыя, было и вашею участію. Вы много вѣковъ ужъ играете роль видную; мы не играемъ такой роли. Но поддались ли вы преобладавшей нѣкогда тевтонской народности, будучи невѣжественны и слабы? Нѣтъ, при всемъ своемъ тогдашнемъ варварствѣ, вы захотѣли быть Поляками, и устояли на своемъ. Какъ же это вы желаете, чтобы народъ не того языка, характера и даже не той религіи, что вы, слился съ вами во имя польской цивилизаціи? Зачѣмъ вы вовлекаете только-что пробуждающійся изъ многовѣковаго оцѣпененія народъ въ игру, которой исходъ вамъ самимъ неизвѣстенъ? Мы убѣждены, что только наша внутренняя дѣятельность, только внутреннія наши достоинства спасутъ насъ отъ ничтожества, которымъ долженъ томиться каждый, чувствующій способности стать выше. Вы рассчитываете на племя иноязычное, инохарактерное, иновѣрное. Очевидно, что ни нашъ политическій возрастъ, ни наши понятія о томъ, что такое вы и мы, не сходятся. Мы не ищемъ союзниковъ, какъ вы; намъ они не нужны. Если нѣтъ въ насъ силы стать выше нынѣшняго нашего положенія, то мы и не достойны лучшей участи; а сила эта должна, по нашему убѣжденію, быть не механическая; все, въ жизни народовъ, зависитъ отъ развитія внутренней, нравственной силы. Въ нашихъ усиліяхъ — познать себя вы намъ не союзники, а другихъ усилій мы не намѣрены дѣлать. Это значитъ, что ваши нынѣшнія потребности могутъ возникнуть для насъ нескоро. О чемъ же вы хлопочете? Намъ ваши попеченія объ украинской Руси тягостны, потому-что всякое усердіе требуетъ благодарности, а благодарить васъ намъ не за что: вѣдь вы собственно о себѣ хлопочете и, еслибъ могли обойтись безъ насъ, то, вѣрно, и не вспомнили бы о нашемъ существованіи. Что за симпатія такая къ намъ у потомковъ той самой шляхты, которая еще такъ недавно говорила о насъ: *prĩa krew!* Такъ скоро ненависть и презрѣніе не перерождаются. Это можно видѣть не только на народахъ, но и на отдѣльных личностяхъ. Доказательствъ вашей симпатіи вы не представили даже и въ 1855 году, когда былъ случай — не говорю сдѣлать намъ пользу (пользы не могло выдти изъ вашей помощи), но дружески, человѣчески броситься туда, гдѣ людямъ тяжело. Не прошло и десятка лѣтъ — уже вы родные братья украинской Руси! Нѣтъ, и въ одномъ вашемъ предположеніи, что мы вамъ повѣримъ, таится уже свойственное шляхтѣ отъ вѣковъ

пренебреженіе къ хлопамъ. Вы сами по себѣ, мы сами по себѣ. Судьба ваша была ужъ, и долго была, въ вашихъ рукахъ. Наша судьба вполнѣ никогда отъ насъ не зависѣла. Доживъ до идеи самосознанія, мы впервые почувствовали себя творцами нашей будущности. Дайте же намъ утвердиться на своемъ основаніи, не сбивайте насъ съ него политическими системами. Вы сами низвели себя до нынѣшняго своего положенія; сами извольте и возвышаться, а мы вамъ не помощники.

Что касается до обвиненій и сѣтованій моего незнакомаго корреспондента, то въ нихъ много правды, когда смотрѣть глазами польскаго шляхтича, и мало, когда смотрѣть глазами антишляхетнаго Украинца. Взглядъ каждаго народа, каждаго сословія и каждой отдѣльной личности усваивается опытами прошедшаго, каково бы оно ни было. На основаніи этого взгляда, народы, сословія и единичныя лица устанавливаютъ свои отношенія другъ къ другу. Ошибки, свойственныя той и другой сторонѣ, по пословицѣ: *всякая рука къ себѣ крива*, исправляются теченіемъ жизни, или караются силою вещей. Вѣчно и вѣчно идутъ позвы, суды и пересуды, пока неугомонное чувство правды не успокоится или сознаніемъ своей несостоятельности, или пассивною покорностію неодолимой силѣ, или отдаленными надеждами восторжествовать при благоприятныхъ обстоятельствахъ. Рѣшать въ данный моментъ, кто правъ, кто виноватъ, могутъ посторонніе, но никакъ не тяжущіеся. Поэтому писатель, защищающій права своего народа, естественно долженъ мало разсчитывать на противную сторону. Его прямое дѣло — утвердить свою сторону въ ея понятіяхъ, такъ какъ, при всей, кажущейся со стороны, несправедливости этой цѣли, въ достиженіи ея вся его надежда. Такимъ образомъ, признавая за моимъ корреспондентомъ право говорить отъ лица народа, котораго онъ — живой, мыслящій членъ, прошу его дать и мнѣ право выражать мнѣнія моего народа настолько, насколько я связанъ съ нимъ общими ему и мнѣ понятіями. Если оба наши народа устоятъ на высказанныхъ нами началахъ, между ними произойдетъ все то, что обыкновенно происходитъ между притязающими на извѣстныя права сторонами, а сила вещей будетъ ихъ верховнымъ судьей безъ апелляціи. Тужить объ этомъ нечего, потому что исторія не представляетъ никакого моральнаго и матеріальнаго завоеванія безъ тяжкихъ усилій и великихъ жертвъ. Всякая сила стремится занять принадлежащее ей мѣсто; равновѣсіе же между силами поставлено общимъ для всего міра закономъ. Оно будетъ отыскано и нашими потомками изъ естественнаго общаго стремленія къ самосохраненію.

Теперь приступимъ къ разбору того, что я старался перевести изъ безыменнаго письма въ возможной полнотѣ.

Говоря *мы*, авторъ письма конечно, разумѣетъ самую просвѣщенную часть польскаго общества. На этой части не лежитъ упрекъ подавленія нашихъ стремленій — оживить нашъ дремлющій народъ посредствомъ грамотности, улучшенія его быта и пробужденія въ немъ нравственнаго сознанія. Что касается до Поляковъ, цивилизованныхъ только посредствомъ фрака и бѣлыхъ перчатокъ, то прошу автора вспомнить статью одного изъ парижскихъ журналовъ, въ которой говорится, къ какимъ мѣрамъ прибѣгли кіевскіе Поляки для подавленія первой *Грама́тки* на украинскомъ языкѣ, и не встрѣтило ли распространеніе стихотвореній Шевченка и другихъ воспитательныхъ для Украинскаго народа книгъ, въ брошюркахъ, прямого и косвеннаго противодѣйствія со стороны мѣстной шляхты? Вспомнимъ также поднятую ею пожидовски возню по поводу погребенія нашего поэта надъ роднымъ Дибромъ и все то, что до сихъ поръ происходитъ въ Кіевѣ между представителями украинской и польской народности. Доходящія до насъ извѣстія убѣждаютъ насъ въ печальной истинѣ, что значительная часть дѣятелей польской народности въ Кіевѣ состоитъ изъ прямыхъ наслѣдниковъ іезуитовъ XVII вѣка, употреблявшихъ всѣ усилія, чтобы Кіевляне были уніатами и католиками. Во все время нашего политическаго существованія, не было ни одного случая, чтобы мы, Украинцы, пытались, посредствомъ воспитанія или религіи, сдѣлать Поляка Украинцемъ; тогда какъ вы, гг. Поляки, съ незапамятныхъ временъ и до настоящаго дня не перестаете хлопотать о томъ, чтобы Русь была Польшею, во что бы то ни стало. Мы каждого, кто пересталъ быть Украинцемъ, извергали изъ своей народной среды, назвавъ его *Ляхомъ*, *недоляшкомъ* или *перевертнемъ*; тогда какъ вы готовы были всосать въ свою націю самыхъ презрѣнныхъ нашихъ отступниковъ и измѣнниковъ, изъ любви къ несчастной политической системѣ, которую проповѣдуете, не смотря на то, что она оказалась несостоятельною въ глазахъ всего міра (разумѣю систему хитраго, а часто и насильственнаго соединенія разнородныхъ религій и противоположныхъ народностей).

Что касается до вашего сочувствія, то оно не того рода сочувствіе, которое могло бы насъ радовать. Говоря вообще, Полякъ сочувствуетъ въ нашей словесности только тому, что подходитъ подъ его виды на будущее и подъ его настоящія антипатіи. Мы для него всё еще козаки, встрѣчающіе на окраинѣ Польши первый порывъ, первый натискъ врага

Рѣчи Поспѣлитою. Лишь только дѣятельность наша выходитъ изъ этой узкой рамки, она беспокоитъ Поляка и кажется ему нелѣпою. Чтобы выразить мою мысль яснѣе, укажу на то, какъ, подъ вліяніемъ патріотическаго стремленія въ одну только сторону, великій польскій поэтъ Мицкевичъ сбавлялъ цѣны творчеству Пушкина съ извѣстнаго событія 1825 года, тогда какъ оно становилось всё выше и выше. Такъ часто судятъ Поляки и объ украинскихъ писателяхъ. У нихъ, въ собственной литературѣ, существуетъ цѣлый украинскій отдѣлъ, котораго альфа Мальчевскій, а омега — Богданъ Залѣскій. Первые стихи поэмы Мальчевскаго, по ихъ мнѣнію, изображаютъ совершеннѣйшій типъ козака. Поэтъ торжественно обращается къ нашему земляку: »Куда летишь ты на быстромъ конѣ? не за зайцемъ ли, котораго завидѣлъ въ полѣ? не врага ли настигаешь? не къ милой ли спѣшишь на свиданье?» и отвѣчаетъ заинтересованному читателю, съ полнымъ убѣжденіемъ, что возвеличилъ своего героя достойнымъ образомъ: »Нѣтъ, ты летишь исполнить волю своего пана, мчишь его письмо къ другому пану.« Выше этой роли мы не дослужились у польской шляхты даже и въ литературѣ. Богданъ Залѣскій воспѣваетъ нашихъ гетмановъ и запорожцевъ, но у него они выходятъ никакъ не лучше тѣхъ картинокъ, какія часто попадаются на нотахъ польско-украинскихъ виртуозовъ, любящихъ украшать свои произведенія пляшущими и конными козаками. Украинцы не видятъ въ нихъ своего образа и подобія; Украинцамъ они представляются шляхтичами-эксцентриками. Ни Мальчевскій, ни Богданъ Залѣскій, ни Гроза и никто изъ Поляковъ, писавшихъ поэмы и думы въ мнимо-украинскомъ духѣ, не пользуются никакою популярностію не только въ нашемъ простомъ народѣ, но и между людьми, хорошо знакомыми съ польскою литературою. У Поляковъ есть еще поэтъ, пишущій по-украински, а не по-польски, именно Падура. Стихотворенія его до такой степени кажутся Полякамъ украинскими, что историкъ Запорожской Січи, г. Скальковскій, принялъ ихъ за народные думы и ввелъ въ первое изданіе своего сочиненія. Мы видѣли великолѣпное варшавское ихъ изданіе, свидѣтельствующее о разсчетѣ издателя на сочувствіе польской публики. Пѣсни Падурѣ распространены по Днѣстру и Бугу между надворными панскими козаками и чиншовою шляхтою, посредствомъ раутовъ въ жидовскихъ корчмахъ и подъ вліяніемъ разгульных пановъ-холостяковъ, покровительствующихъ просто-народной пѣсенности и подражающихъ созданнымъ въ воображеніи Запорожцамъ. Всѣ таки и этотъ родъ сочувствія нашей народности не встрѣ-

тивъ въ Украинцахъ дружескаго привѣта. Пожимая плечами, они сторонятся отъ шляхетскихъ забавъ, выражающихъ готовность Поляковъ быть съ ними за панибрата. Печальный фактъ представляетъ безуспѣшность босоногихъ шляхетскихъ мисіонеровъ XVII и XVIII вѣка, ходившихъ изъ села въ село и проповѣдывавшихъ народу ученіе вѣры въ католическомъ духѣ: народъ отвѣчалъ шляхтѣ на проповѣди Коливщиною; еще печальнѣе эти попытки побрататься съ Украинцами во имя его козачества, перелицевааннаго наизнанку! Я польское и я украинское разошлись, въ теченіе вѣковъ, на такое разстояніе, что Полякъ, при всемъ стараніи, не можетъ войти въ натуру Украинца, а Украинецъ, при всѣхъ приманкахъ, войти въ натуру польскую не хочетъ. Просвѣщенные престоавители той и другой народности способны сходитьса дружески во имя общечеловѣческихъ идей и изъ любви къ поэтичности взаимныхъ историческихъ преданій, но лишь только они дѣлаются представителями своихъ народовъ и отъ отвлеченныхъ бесѣдъ переходятъ къ дѣлу жизни, каждый изъ нихъ по неволѣ долженъ уйти въ свой лагерь и раздѣлываться другъ съ другомъ оружіемъ, которому не блистать подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ. Это дѣло не ихъ произвольныхъ теорій, это дѣло исторіи того и другого народа.

Авторъ письма напрасно говоритъ, что Поляки всегда сочувствовали «благороднымъ побужденіямъ», управлявшимъ нами въ нашихъ трудахъ. Эти слова справедливы только въ такомъ случаѣ, если къ словамъ *благородныя побужденія* прибавить слова: *по мнѣнію Поляковъ*. Ни одинъ народъ не сознаётъ себя подлымъ. Каждый народъ подвизается за свою правду, но эта правда для другого, соперничающаго съ нимъ народа — неправда. Благородные подвиги одного народа опровергаются гремющими батареями другого, и если одиѣ батареи уничтожатъ другія, то за благородство подвиговъ побѣдитель раздаетъ въ побѣжденномъ народѣ не лавровые, а скорѣе терновые вѣнки. Развѣ признавали Поляки XVIII вѣка благородство за Хмельницкимъ и его сподвижниками? а между тѣмъ козаки имѣли, въ собственномъ мнѣніи, такое же право на благородство, какъ и Вишневецкій съ королевскою шляхтою. Мы наследники того, что сдѣлали для насъ взбунтовавшіеся противъ магнатовъ козаки; почему же намъ не думать, что, опровергая польско-шляхетскія тенденціи, мы поступаемъ такъ же благородно, какъ и они поступали, когда крушили матеріальную силу магнатовъ? Чтобъ сочувствовать благороднымъ побужденіямъ нашихъ трудовъ, надобно понимать ихъ благородство въ безусловномъ значеніи. Иначе — мы въ глазахъ

вашихъ то самое, что были козаки въ глазахъ автора извѣстной брошюры: »O kozakach, iesli ich zniesć, czy nie, discours.« Убѣдась въ невозможности уничтожить козаковъ *до ногъ*, политикъ XVII вѣка рѣшился ихъ терпѣть. Точно такъ, можетъ быть, и вы, господа, потому насъ терпите и щете съ нами союза, что не можете насъ уничтожить; въ противномъ случаѣ, едва-ли признали бы благородство нашихъ побужденій даже и на половинныхъ условіяхъ. Мы, напримѣръ, откровенно скажемъ, что не признаемъ особеннаго благородства за вашими тенденціями колонизовать западную Украину, но даемъ право вашему народному эгоизму. Вамъ свойственно желать, чтобы Польша была даже и тамъ, гдѣ ею только изрѣдка пахнетъ; попробуйте, сможете ли вы это сдѣлать съ Украиной, которую вы нѣкогда предполагали заселить чужестранцами, истребивъ и разогнавъ туземцевъ, которую обратили-было почти въ пустыню и которую теперь склоняете содѣйствовать возстановленію прежней Польши. Что касается до насъ, то борьба нашихъ предковъ съ вашими предками, часто слѣпая и нелѣпая, но въ общемъ необходимая для нашего самосохраненія, не пропала для насъ безслѣдно. Если вы — смягченные и озаренные духомъ вѣка шляхтичи, то и мы — дышащіе новою, современною жизнію козаки. Если для васъ дороги мѣста, на которыхъ ваши предки торжествовали, то и для насъ дороги мѣста, за которыми наши предки гибли. Вы внесли, говорите вы, въ нашу пахарскую хату европейское просвѣщеніе. Спасибо вамъ за трудъ, хотя вы вносили его собственно для себя; но если бы даже и для насъ, то всё-таки хата—*наша* и вы въ ней—*чужіе*. Мы васъ не гонимъ, пока вы насъ не стѣсняете, но желаемъ дѣйствовать у себя дома по собственному усмотрѣнію и собственно для себя, для блага своей земли, а не для поддержанія переформированной вами по проэкту 3-го мая 1791 года, но неосуществимой, системы. А такъ какъ вы безпрестанно проповѣдуете невозможную для насъ съ вами »*jedność i równość*«, то мы, любя свою націю столько же, сколько и вы свою, напоминаемъ ей, чѣмъ были для насъ ваши предки, что насъ разрознило и чего намъ ожидать отъ осуществленія вашихъ политически-соціальныхъ плановъ; мы, однимъ словомъ, не признаемъ вашихъ тенденцій полезными для нашего народа и, для противодѣйствія вамъ, соединяемъ его въ могучее тѣло единствомъ преданій, чувствъ и убѣжденій. Если вы цѣните благородство управляющихъ нами побужденій, зная все это, то вамъ ничего больше не остается дѣлать, какъ предоставить насъ самимъ себѣ и полагаться только на собственные внутренніе ресурсы, какъ мы полагаемся на свои.

Авторъ письма говоритъ о «превращеніи, которое выработалъ Польскій народъ бѣдственными опытами въ послѣдніе семьдесятъ лѣтъ.» Въ чемъ должны мы видѣть это превращеніе? не въ сочиненіяхъ ли польскихъ эмигрантовъ? не въ тѣхъ ли утопіяхъ колонизованія русскихъ областей, которыми онъ болѣзненно бредитъ? Мы знаемъ, каковы были свободные Поляки. Ихъ настоящее положеніе внушаетъ намъ участіе; но мы никакъ не поручимся, что, съ возвращеніемъ болѣе свободы, не возвратится старый польскій духъ, подъ иными формами. Въ этомъ сильно заподозриваютъ ихъ въ нашихъ глазахъ эти дикія мечты, которыя мы и читаемъ въ польскихъ писаніяхъ, и слышимъ изъ живыхъ польскихъ устъ, — мечты о разширеніи Польши по Смоленскъ и Днѣпръ, о предводительствѣ Славянскимъ міромъ, о политическомъ мессіанизмѣ и Богъ знаетъ о чемъ еще. Люди, до такой степени не завоевательные, какъ мы, желающіе каждому быть, чѣмъ онъ хочетъ и какъ ему угодно, должны отшатнуться отъ сосѣда, который проситъ развязать ему руки, можетъ быть, съ готовымъ уже планомъ подвернуть подъ себя освободителей.

Изъ этого корреспондентъ мой долженъ убѣдиться, что современная Польша намъ не безызвѣстна, что мы ее не воображаемъ такою, какою она была въ XVII вѣкѣ, но при всемъ томъ не имѣемъ достаточно данныхъ, по которымъ удостовѣрились бы въ ея превращеніи. Я готовъ думать, что мой корреспондентъ самъ по себѣ — почтеннѣйшая личность и что кругъ людей, къ которому онъ принадлежитъ, заключаетъ въ себѣ много превосходныхъ представителей новой, преобразовавшейся Польши; но поручится ли онъ, что его гуманныя идеи относительно Украинскаго народа, это признаніе правъ равенства, это желаніе братскаго единства, будутъ закономъ для большинства? Въдѣ и въ XVII вѣкѣ были люди, въ самый разгаръ козацкихъ войнъ, совѣтовавшіе сейму предоставить козакамъ въ ихъ землѣ и обществѣ полную свободу управленія. Я самъ нашелъ замѣчательный въ этомъ отношеніи документъ между рукописями Петербургской публичной бібліотеки и напечаталъ въ приложеніяхъ къ одной изъ моихъ думъ (*Основа*, за октябрь; 10-е прим. къ *Дунайской Думѣ*). Но извѣстно, какъ разошлось въ XVII вѣкѣ самое дѣло съ этими *pia desideria*. Кто поручится намъ, что мой почтенный корреспондентъ и его пріатели не будутъ вопіять въ пустынь посреди возстановленной Польши? Увѣщанія, которыми онъ меня почтилъ, сами по себѣ трогательны; но мы въ нихъ не слышимъ голоса всего *шляхетскаго народа*, а еслибъ и слышали, то, помня хорошо прошедшее и

не видя ничего убѣждающаго въ настоящемъ, мы бы заткнули уши и пошли своимъ путемъ.

О томъ, что народу Украинскому теперь хорошо у Поляковъ-земле-владѣльцевъ, я не могу распространяться, потому что долженъ былъ бы войти въ несовсѣмъ удобныя для печати историческія подробности изъ недавняго времени, но спрошу: любить ли вообще народъ польскую шляхту въ западной Украинѣ? Нѣтъ, и сами вы говорите, что будто бы мы »стараемся поддерживать въ народѣ *ненависть* къ шляхтѣ.« Вы говорите, впрочемъ, что этой ненависти больше въ нашихъ сочиненіяхъ, нежели въ сердцахъ народа. Откуда же вошла она въ наши сочиненія? Вы забываете, что состояніе украинской литературы еще далеко не таково, чтобы ей играть роль политическую. Народъ нашъ не пойметъ политики; онъ способенъ сочувствовать только тому, что составляетъ его повседневность. Если наши поэмы и думы о старыхъ временахъ, о временахъ его страданій отъ польской шляхты, живо его интересуютъ, значитъ въ сердцахъ у него есть чувства, а въ головѣ преданія, соотвѣтствующія этого рода поэзіи. Да и чѣмъ это вы воображаете поэта, говоря, что онъ долженъ залечивать старыя раны? Вѣдь поэтъ есть не что иное, какъ прямой продуктъ народнаго чувства, народныхъ понятій. Какимъ же образомъ онъ можетъ выражать не то, что ему внушаетъ жизнь его народа и чего жаждетъ его народъ? Залечивать раны! — да развѣ Мицкевичъ залечивалъ ваши раны? Почему же долженъ залечивать ихъ Шевченко? Да сами они были воиющими ранами своихъ народовъ, сами болѣли сердцемъ такъ, какъ ихъ народы! Нѣтъ, все страданія и все торжества своей націи долженъ сливать поэтъ въ своей пѣснѣ и посредствомъ прошедшаго будить настоящее. Никто въ этомъ случаѣ не поддержитъ моихъ словъ больше вашего Мицкевича.

O wieści gminna, ty arko przymierza
Miedzy dawnemi i późnemi czasy,
W tobie lud składa broń swego rycerza,
Swych myśli prędze i swych uczuć kwiaty.
Arko! tyś żadnym nie złamana ciosem,
Póki cię własny twój lud nie znieważy.
O pieśni gminna! ty stoisz na straży
Narodowego pamiątek koscioła;
Z archanielskimi skrzydłami i głosem,
Ty czasem miewasz i broń archanioła....

Вспомните еще дальѣйшіе стихи:

A ieśli podłe dusze nie umieją
Karmić ią żalem i poić nadzieją....

Вотъ что говоритъ поэтъ, поддержавшій польскую народность лучшимъ ея выраженіемъ и увѣковѣчившій память о существованіи Польши. Мы не обвиняемъ его въ народномъ фанатизмѣ, а вы, едва слышали нѣсколько свободныхъ звуковъ украинской бандуры, уже боитесь за свое будущее, уже видите противъ себя въ рукахъ народа ножи, уже требуете, во имя цивилизаціи, замолчать о кровавыхъ преданіяхъ старины украинской. Этимъ самымъ вы осуждаете свою народность больше, чѣмъ мы въ своихъ стихахъ и прозѣ. Что это за законное и прочное положеніе шляхты среди Украинскаго народа, когда она боится его воспоминаній, затуманенныхъ вѣками безграмотности? Что это за терпимость шляхетская, когда просвѣщеннѣйшіе люди обращаются съ упреками къ автору, которому, по ихъ мнѣнію, народъ будетъ живо сочувствовать, и убѣждаютъ его замолчать о томъ, что составляетъ единственное достояніе Украинца? Корреспондентъ мой, въ другомъ мѣстѣ своего письма, говоритъ, что польскую шляхту «поддерживаютъ преданія, права, просвѣщеніе, родовое мужество и доблести» и что, потерявъ польскую шляхту, Украинцы «потеряли бы вмѣстѣ съ нею ту степень цивилизаціи и тѣ историческія преданія, которыми она обладаетъ исключительно.» Мы увѣрены, что битвы съ Хмельницкимъ также входятъ въ число преданій шляхты. Отчего жъ эти преданія принадлежатъ ей одной исключительно? Почему намъ не дано права помнить хоть то, какъ насъ Ляхи били, если ужъ мы лишены права вспоминать, какъ мы ихъ побѣждали? Странное дѣло: поднимается въ XVIII вѣкѣ украинское простонародье подъ предводительствомъ Павлюка, пять тысячъ падаетъ въ одной битвѣ, и событіе это считается до такой степени темнымъ, что просвѣщенный Полякъ XIX вѣка упрекаетъ своего современника Украинца, зачѣмъ онъ вспоминаетъ о немъ въ стихотворной думѣ? Были же какія-то причины со стороны шляхты, заставлявшія земледѣльческій народъ сказать: «лучше смерть, нежели золь животъ!» Былъ же какой-то жизненный смыслъ въ этомъ событіи, если Украина, въ то время сравнительно малолюдная, теряла за одинъ разъ по пяти тысячъ убитыми, изъ ненависти къ своимъ колонизаторамъ! Было, видно, за что сражаться съ шляхтою, когда все Заднѣпріе, главное жерло возстаній народныхъ, превратилось буквально въ пустыню послѣ Дорошенка!... Прошло лѣтъ около двухъ-сотъ, народъ, размножившійся на кровавыхъ пепелищахъ, на мѣстахъ гибели предковъ, желаетъ знать, за что гибли предки; желаніе его удовлетворяется самымъ естественнымъ образомъ, къ историческимъ думамъ присоединяются современ-

ныя свидѣтельства самихъ Поляковъ, — и это называютъ дѣломъ лукавымъ, дѣломъ недостойнымъ просвѣщеннаго вѣка! Чтѣ жъ, послѣ этого *Spiewy historyczne* (историческія пѣсни), Нѣмцевича?... Нѣтъ, судья тутъ одинъ народъ, для котораго эти думы пишутся. Если онъ имъ сочувствуетъ, онъ этимъ даетъ имъ значеніе жизненное, и какъ бы ни огорчилось ими маленькое меньшинство изъ своихъ личныхъ видовъ, преданіе о старинѣ не умолкнетъ. Если нынѣшняя шляхта не похожа на старинную, пусть она это докажетъ, пусть она заставитъ народъ забыть, что это потомки тѣхъ «душмановъ», о которыхъ писалъ Павлюкъ, возбуждая поселянъ къ возстанію; пусть она сольется съ народомъ въ нераздѣльное тѣло, которое одно бы чувствовало и одного желало. Это лучший способъ заставить народъ позабыть старые счеты съ шляхтой. Польша для него отодвинется тогда за черту Руси, и не пойдетъ нашъ народъ безъ вызову напоминать ей времена Павлюка и Хмельницкаго. Но иначе судить польско-украинская шляхта. Вмѣсто того, чтобы слиться самой съ Украинцами, она хочетъ слить Украину съ Польшей и ополечить потомковъ тѣхъ козаковъ, которые дали имъ такой жестокий урокъ за посягательство на народную волю. Они говорятъ, что по крови они съ нами одно и тоже; а кто выдумалъ слова: *psia krew*? Они говорятъ, что они съ нами одно и то же по заслугамъ; — передъ кѣмъ? Народу не служилъ никто въ XVII столѣтіи, — ни даже наши гетманы, а если мы служили шляхетскому сословію, то давно въ этомъ раскаялись. Увѣряютъ они, что мы вмѣстѣ приносили жертвы. Нѣтъ, чтѣ было съ нашей стороны жертвою, то со стороны шляхты чистымъ выигрышемъ. Если же приносила шляхта нашему народу жертвы, то развѣ со слезами на глазахъ, — со слезами злости, стыда и сожалѣній о потерѣ всякихъ крулевщизнъ и не-крулевщизнъ. Увѣряютъ они, наконецъ, даже въ томъ, что они тѣ же Русины. Почему же они говорятъ въ своихъ семействахъ попольски, проповѣдуютъ ненавистный народу папизмъ и тянутъ всю Украину къ Польшѣ? Русинъ у польской шляхты значитъ *живущій въ Руси*, все равно какъ Мазуръ значитъ *живущій въ Мазовіи*. Будучи Русиномъ, онъ такой же Полякъ, какъ и Мазуръ, будучи Мазуромъ. А по нашему, кто Русинъ, тотъ ужъ не Полякъ, и кто Полякъ, тотъ не Русинъ. Живутъ Поляки въ Украинѣ давно и всегда были чужими для народа, потому что подчиняли его интересы своимъ собственнымъ. Пока они не отрекутся отъ имени польскаго и отъ мертвящаго всякую жизнь папизма, пока не назовутъ себя *Украинцами* въ нашемъ значеніи слова, до-тѣхъ-поръ они будутъ, въ гла-

захъ народа, пришельцы, иностранцы, однимъ-словомъ — чужіе, и судьбы наши не будутъ ихъ судьбами.

Въ сочиненіяхъ нашихъ мы не заводили еще рѣчи объ аграрномъ законѣ; но шляхта польская видитъ уже для себя опасность и съ этой стороны. Мы только скажемъ, что, называя своимъ отечествомъ Польшу, а себя потомками старорусскихъ родовъ, она сама опредѣляетъ на будущее время права свои на то, чѣмъ владѣтъ наследственно въ Украинѣ. Мы не касаемся вопроса о сословіяхъ, не говоримъ также о томъ, чтобы, какъ выразился мой корреспондентъ, накрыть всю украинскую Русь исключительно простонароднымъ туловищемъ: это покажется не наше дѣло; но мы не можемъ допустить мысли, чтобы душою нашего народа могли быть иностранцы, называющіе себя Русинами только въ полемическихъ статьяхъ. Мы предполагаемъ въ народѣ его собственную—не-шляхетскопольскую—душу. Если онъ не мертвая масса, то въ немъ откроется все, что необходимо для его дальнѣйшаго развитія. Такимъ-образомъ мы вовсе не дорожимъ присутствіемъ въ Украинѣ непрощенныхъ цивилизаторовъ ея и не сомнѣваемся, что безъ ихъ участія дѣло наше пошло бы вѣрнѣе. Но цивилизаторы наши никакъ не хотятъ обойтись безъ насъ и усердно набиваются съ своими благодѣяніями, въ которыхъ мы не нуждаемся. Въ нашихъ рукахъ, говорятъ они, просвѣщеніе и деньги, а у васъ нѣтъ ни того, ни другого; что вы безъ насъ сдѣлаете? Если мы захотимъ что-нибудь сдѣлать завтра, то, конечно, мудрено обойтись безъ того и другого; но вѣдь мы не такъ нетерпѣливы, какъ воображаютъ Поляки, а просвѣщеніе и деньги не есть нѣчто доступное однимъ и недоступное другимъ. Время даетъ народамъ то и другое при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ и на самыхъ скудныхъ и тѣсныхъ пространствахъ земли. Вы—по-вашему—просвѣщенное и богатое общество XIX вѣка, а мы будемъ такимъ обществомъ, можетъ быть, въ XX. Изза этой разницы не стоить сворачивать съ своего яснаго пути на чужой, призрачный.

Корреспондентъ мой, воображая, что мы довольны нынѣшними взаимными отношеніями украинскаго народа и польской шляхты, и что мы уважаемъ глухую дѣятельность польскихъ политиковъ послѣдняго времени, спрашиваетъ меня съ упрекомъ: »Зачѣмъ же, зная обо всемъ этомъ, вы пишете думы, возбуждающіе давнишній народный фанатизмъ и представляете насъ народу не такими, каковы мы теперь, а такими, какими были нѣкогда?« Отвѣчаю: потому пишу я думы, основанныя на событіяхъ старины украинской, что воспоминанія о нихъ меня воодушевляютъ. Въ глазахъ Поляковъ, любовь народа къ такъ-называемымъ гайда-

мацкимъ пѣснямъ (отъ Наливайка до Гонты) есть фанатизмъ, а въ нашихъ глазахъ это дѣло столь же законное, какъ и любовь Поляковъ къ собственнымъ историческимъ преданіямъ. Поляки, карая жесточенный ими народъ за возмущенія, превратили Украину въ пустыню, заставили козаковъ собственными руками выжигать свои города и села. Исторія не живетъ на пепелищахъ; она создается въ благоустроенныхъ городахъ; она пишется въ безопасныхъ книгохранилищахъ. Тамъ, гдѣ листки лѣтописей и документовъ разлетѣлись въ вихрѣ пожаровъ и забытыя городскія улицы заросли дикими деревьями, тамъ живетъ одна поэзія. Она одна хранитъ отъ забвенія печальныя преданія безпомощнаго народа, и Полякамъ ли упрекать Украинцевъ за то, что они украшаютъ цвѣтами воображенія незаписанную ими во время дѣйствительности, или записанную наскоро, чтобы помнить только годы и имена? Вы написали множество подробныхъ лѣтописей и исторій. Вы не переставали писать ихъ въ то время, когда на мѣстѣ Корсуня, Черкасъ и Чигирина лежали только груды пепла. Мы, напротивъ, *iak słowik z ogniem zaiętego gmachu* ⁽¹⁾, уходили съ своими пѣснями въ недоступныя для васъ мѣста, и какъ предки наши во времена андрусовскаго мира пѣли про Наливайка, такъ мы во время политическаго уничтоженія Польши пѣли про Хмельницкаго и его предшественниковъ, и поемъ до сихъ поръ. Между тѣмъ сохранныя вашею насильственною для насъ цивилизаціею склады бумагъ очутились вдали отъ васъ и отъ насъ на сѣверѣ. Въ нихъ мы находимъ забытую нашимъ народомъ старую свою исторію, и что же? Не смотря на то, что мы, читая польскія рукописи, узнаемъ ее изъ устъ нашихъ старыхъ враговъ, она совпадаетъ съ нашими народными пѣснями больше, чѣмъ съ сочиненіями вашихъ цивилизованныхъ историковъ и лѣтописцевъ. Сквозь предрасудки шляхты пробиваются чистыя понятія угнетеннаго ею народа о своихъ человѣческихъ правахъ, и даже изъ среды бурныхъ шляхетскихъ сеймовъ доносятся къ намъ голоса, оправдывавшія наши несчастныя возстанія. Не понимаемъ послѣ этого, какимъ образомъ вы даете своимъ писателямъ право утверждать польское общество въ его любви къ преданію, и не даете украинскимъ писателямъ права опираться свою народность на печальныхъ фактахъ, сохранившихся въ пѣсняхъ и въ вашихъ собственныхъ бумагахъ. Вы видите, что наше простонародное общество не дожило еще до историческаго возсозданія своей прошедшей жизни. Оно только-что открыло глаза на про-

(1) Т. е. какъ соловей изъ объятаго огнемъ зданія. Стихъ Мицкевича.

шедшее и настоящее; естественно ему руководствоваться покаместъ историческою пѣснью, предоставляя только немногимъ изъ среды себя уяснять свою исторію при посредствѣ чужихъ литературъ. Мы помнимъ время, когда за пѣсню о Хмельницкомъ или другомъ героѣ козачества, Поляки бросали бандуриста въ тюрьму и лишали жизни. Я самъ, во время странствованій моихъ по убогимъ хатамъ въ западной Украинѣ, слышалъ множество разсказовъ о томъ, какія были приняты мѣры польскою полиціей къ заглушенію въ народѣ памяти о давнемъ и недавнемъ козачествѣ. Слыша теперь упрекъ отъ просвѣщеннаго Поляка за историческія думы, писанныя въ народномъ духѣ, не въ правѣ ли мы заключить, что только одна невозможность удерживаетъ цивилизаторовъ Украины отъ угашенія народнаго духа въ лицѣ писателей украинскихъ? Вы говорите, что въ этихъ думахъ больше ненависти къ Польшѣ, нежели въ сердцахъ народа. Слѣдовательно, по-вашему, онѣ полны неправды. Какая же неправда можетъ имѣть вліяніе на живую, народную массу? Оглянитесь на свои католическія миссіи въ Украинѣ. Не смотря на всѣ вспомогательныя средства, ихъ проповѣди не произвели въ народѣ никакой перемѣны, не сроднили его ни съ католичествомъ, ни съ польскою народностію. Посмотрите на вашего Падуру, который льститъ Украинцамъ всевозможными мѣрами. Украинскіе стихи его для народа то же самое, чтó и польскіе стихи Богдана Залѣскаго. Будутъ ли приняты мои стихи народомъ, этого я не знаю, но не вижу ничего предосудительнаго въ моемъ желаніи оживить ими народную память, утвердить въ немъ здоровыя понятія о самомъ себѣ и о тѣхъ сосѣдяхъ, которые много разъ стлали ему очень мягко и, не смотря на то, что у него до сихъ поръ болятъ бока отъ довѣрчиваго сна на польской постели, всё еще заманиваютъ его соснуть маленько.

На вторую половину вопроса моего корреспондента я долженъ отвѣчать: что мы не знаемъ довольно фактовъ, которые бы убѣдили насъ въ томъ, будто бы нынѣшніе Поляки вовсе не похожи на своихъ предковъ. Они не имѣли возможности доказать это относительно Украинцевъ цѣлою націею, тогда какъ порознь представили довольно грустныхъ примѣровъ своей шляхетской спѣси, своего равнодушія къ судьбамъ народа и даже презрѣнія къ его матеріальнымъ нуждамъ. Исчислять эти примѣры я не имѣю возможности, но исторія ничего не забудетъ. Чтобы заставить украинскихъ писателей изображать Поляковъ, каковы они теперь, надобно Полякамъ поразить украинскіе умы своими достоинствами въ такой сильной степени, въ какой ихъ предки поразили эти самые

умы своими недостатками, пороками и злодѣйствами; надобно, чтобы самъ народъ перемѣнилъ о нихъ свои понятія и, вмѣсто ненависти, которую будто бы мы только разжигаемъ, загорѣлся къ нимъ благодарною любовію. Пока это явленіе не совершится, до тѣхъ поръ не перестанутъ писатели украинскіе вызывать изъ прошедшаго окровавленный тѣни своихъ предковъ, завѣщавшихъ потомству стоять за правду, которой они не были въ силахъ защитить отъ польскихъ магнатовъ. Но если бы какимъ-нибудь чудомъ появились у насъ поэтическія произведенія въ пользу примиренія съ Поляками, тогда-какъ народъ еще съ ними не примирился, т. е. не увѣровалъ въ ихъ пересозданіе, то они произвели бы не больше впечатлѣнія на массу, сколько способна произвести, напримѣръ, книга: «Kozaczyzna w Turcyi», изданная, лѣтъ пять тому назадъ, въ Парижѣ очень роскошно на счетъ какого-то мечтателя-эмигранта. Они были бы достояніемъ извѣстнаго кружка и никогда бы не пошли въ массу, чуждую вашихъ политическихъ соображеній. Всего лучше можно это видѣть на безчисленномъ множествѣ книгъ, издаваемыхъ въ теченіе столѣтія въ видѣ букварей, учебниковъ, басенъ, поэмъ, повѣстей, романовъ, драмъ, проповѣдей и всяческихъ иныхъ внушеній не во вкусъ и не въ духъ народа. Вся эта туча печатныхъ листовъ пронеслась надъ простолюдинами, какъ шелестящая и помрачающая воздухъ масса саранчи, и народъ остался почти при тѣхъ же чувствахъ, понятіяхъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ, какъ до екатерининскаго времени. Даже привилегированныя сословія, принявшія на вѣру выработанныя въ академіяхъ понятія, подвергаютъ ихъ теперь строгому пересмотру и возвращаются, въ своихъ убѣжденіяхъ, къ тому пункту, съ котораго они повернули въ сторону отъ неграмотной массы. Къ чему же пригодились бы наши сочиненія, написанныя по предвзятой системѣ, мимо вѣдома нашего народа и въ упоръ нажитымъ вѣками его убѣжденіямъ? Требовать этого отъ писателя, желающаго быть народнымъ, значить не уважать вдохновляющаго его сочувствія къ народу и не вѣрить добросовѣстности его наблюдений надъ народомъ. На то, чтобы сродниться съ народомъ въ словѣ и чувствѣ, онъ отдалъ лучшую часть жизни: какія же вишнія побужденія могутъ быть достаточно сильны, чтобы повернуть его въ другую сторону? Если мы, по мнѣнію Поляковъ, стоимъ на ложномъ пути, то имъ остается только махнуть на насъ рукой, какъ мы махнули на шляху, на ея шляхетскія преданія и на ея шляхетскія тенденціи. Наша исторія представляетъ намъ печальное утѣшеніе:

Нехай знають на всімъ світі,
 Якъ ми погибали
 И, гінучи, свою правду
 Крѣв'ю записали.

Но и этого утѣшенія готова лишить насъ цивилизованная шляхта, во имя своихъ яко-бы болѣе человѣчныхъ традицій. Нѣтъ, мы не стыдимся своей исторіи, не смотря на то, что мы были варварами въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Уже одинъ фактъ, что мы не снесли насилія цивилизаторовъ Украины, оправдываетъ насъ предъ судомъ всѣхъ современныхъ народностей. Хороши были бы мы, еслибъ, въ XVII вѣкѣ, допустили деспотическому католицизму разлиться до Чернаго моря и Глухова, а въ XIX удовольствовались такими похвалами отъ польской музы, какою начинается знаменитая въ новѣйшей польской литературѣ поэма Мальчевскаго! Нашъ духъ въ XVII вѣкѣ былъ крѣпче, чѣмъ воображали его Поляки, и идеалъ нашъ въ XIX-мъ выше идеала современной польской шляхты. Если корреспондентъ мой убѣжденъ, что »повернуть шляхту съ ея исторической дороги — дѣло невѣроятное« (zawrócenie szlachty z historycznego jej toru jest niepodobnem), — о чемъ мы мало заботимся, — то почему же можетъ быть возможно для нея повернуть насъ съ нашей исторической дороги (о чемъ она заботится сильно)? Новѣйшее просвѣщенное общество не представляетъ примѣра, чтобы кто-нибудь изъ насъ сталъ въ ряды польско-украинской шляхты, тогда-какъ самъ корреспондентъ мой указываетъ — конечно съ презрѣніемъ — на нѣсколькихъ кievскихъ студентовъ, которые szlachciców się zaparli, a chłopami nie zostali. Да они и не желали сдѣлаться хлопами, а просто — Украинцами, объявивъ безнадежными шляхетскія тенденціи. Много ихъ или мало, но это люди, постигшіе, гдѣ возможенъ прогрессъ жизни, при нынѣшнемъ всемірномъ воскресеніи народностей, и гдѣ онъ не возможенъ. Тащить куда-то малочисленному сословію цѣлый народъ — дѣло странное. Соединиться съ этимъ народомъ, слиться съ нимъ своими симпатіями — дѣло естественное. Украинскіе Поляки соглашаются, что они, большую частію, тѣ же Украинцы, превращенные католицизмомъ и польщиизмомъ въ иную народность. Что можетъ быть натуральнѣе для просвѣщенного мыслителя, какъ воротиться на ту прямую дорогу, по которой шли ихъ предки, не совращенные еще іезуитами и варшавскими политиками? А впрочемъ мы обойдемся и безъ нихъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи.

Въ-заключеніе, я прошу читателей позволить мнѣ сказать нѣсколь-
ко словъ, которыя будутъ вполне понятны только моему корреспон-
денту. Подозрѣнія его на счетъ нашихъ затаенныхъ цѣлей неспра-
ведливы. Мы живемъ въ тотъ вѣкъ, въ которомъ уже и въ государ-
ственную политику входитъ идея правды, какъ надежнѣйшій двигатель,
какъ вѣрнѣйшая опора. Украинцы всегда чуждались извѣстнаго прави-
ла: цѣль оправдываетъ средства. Осуществить наши надежды, мы на-
дѣемся мирными путями: путемъ просвѣщенія и справедливости, пу-
темъ уразумѣнія общей пользы; всѣ другіе пути мы считаемъ нена-
дежными...

П. Кулишъ.

17 января, 1862.

С. Петербургъ.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ

по поводу

НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЬ.

Въ *Воронежской Бесѣдѣ*, г-жа Кохановская помѣстила статью, въ которой сравниваетъ и объясняетъ нѣсколько народныхъ пѣсень; однакожъ, несмотря на остроумныя догадки, статья эта остается только одною изъ попытокъ въ этомъ родѣ, а мнѣ кажется, наступила уже пора серьезной разработки произведеній народа, которыя должны разъяснить многое въ его жизни.

Почему мы, изучающіе народъ, любящіе его, сознавая всю важность подобнаго изученія, будучи увѣрены, что только этимъ путемъ дойдемъ до разумнаго уясненія себѣ народной жизни, — такъ мало обращаемъ на это вниманіе, и собирая тысячи пѣсень, оставляемъ ихъ сырымъ матеріаломъ, не пользуемся своимъ богатствомъ какъ слѣдуетъ? Откуда это молчаніе? Вялость ли это? сосредоточеніе ли силъ, переработка ли внутренняя? или, просто, родная наша лѣнь?.. Но слово *лѣнь* для меня слишкомъ многозначуще. У насъ лѣнны всѣ: крестьяне на барщинѣ, чиновникъ на службѣ, литераторъ, художникъ, ученый, землевладелецъ; у всѣхъ валится дѣло изъ рукъ и въ руки не просится .. Слово *лѣнь* тутъ не у мѣста. Это глубоко грустное явленіе — не лѣнь; такая всеобщая безгласность и бездѣйствіе не что другое, какъ нравственное безсиліе, немощь. Но пусть же раздастся живой звукъ, пусть вырвется хоть едва внятный стонъ, — онъ наведетъ на путь, какъ вѣха, какъ тычина въ мятель, хоть и занесло ее на-половину снѣгомъ.

Кромѣ бездѣйствія отъ изнеможенія, мы бездѣйствуемъ отъ немѣня взятыя за дѣло; мы отвыкли отъ дѣла и наконецъ пришли къ тому, что все молчитъ, поглощенное апатіей, — не сохранивъ даже сознанія настолько, чтобъ различить дѣло отъ бездѣлья.

Но пускай же начнутъ говорить всѣ: незачѣмъ бояться промаховъ, незачѣмъ ребячески считать печатное слово то откровеніемъ безошибочнымъ, то бояться его, какъ пугала. Ошибки неизбѣжны, но они-то и ведутъ къ толкамъ, къ пересудамъ, — къ распахнѣ той нетронутой цѣлины, которая встрѣчается у насъ повсюду.

Мнѣ кажется нелишнимъ — уяснить себѣ, для чего мы изучаемъ народность, что привело насъ къ этому изученію и какія послѣдствія могутъ быть изъ этого, теперь почти всеобщаго, стремленія?

Сила, влекущая всѣхъ къ изученію народа, преимущественно заключается въ томъ общественномъ переворотѣ, который поставилъ всѣхъ и каждого лицомъ къ лицу съ народомъ, въ постоянное съ нимъ столкновеніе. Тѣ, которые прежде съ презрѣніемъ отворачивались отъ крестьянина, теперь обращаются къ нему, вынужденные необходимостью знать того, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Иные изучаютъ теперь, изучали народъ и прежде; какъ могли и какъ умѣли. Одни изъ книгъ, другіе въ переднихъ, отъ извозчиковъ, въ лавкахъ, на большихъ дорогахъ, изъ окна багскаго дома, по проселкамъ, въ избахъ и хатахъ; одни глядѣли на народъ и разсматривали его на разстояніи, другіе сквозь микроскопъ, а кто жилъ съ народомъ заодно, въ одну ноту тянулъ съ нимъ унылую пѣснь, скорбѣлъ и плакалъ по немъ горячими слезами роднаго брата. Однихъ и теперь влечетъ къ изученію народа только необходимость, у другихъ, какъ тогда, такъ и теперь, сердце бьется однимъ съ нимъ биеніемъ, сливается въ одно чувство съ нашей братьей. Всѣ эти разнообразныя взгляды, различныя побужденія, время привело къ одному заключенію — къ потребности изучать народъ, и теперь-то можно его изучать, теперь-то надо ждать любопытныхъ выводовъ, каждому дѣлиться съ обществомъ своими выводами и наблюденіями. Мы всѣ и видимъ и сознаемъ это дѣло по-своему; каждый изъ насъ имѣетъ въ своемъ взглядѣ свой собственный оттѣнокъ, въ каждомъ оттѣнкѣ есть своя правда; натура каждого чувствуетъ и анализируетъ по-своему. Всѣ эти единичныя заключенія составляютъ одну силу или одну цифру, въ которой всякій отдѣльный знакъ, стоящій на своемъ мѣстѣ, играетъ назначенную ему роль, и не только важенъ, но необходимъ. Поэтому-то трудъ, взглядъ, мысль каждой отдѣльной личности, всякое едва созннанное ощущеніе — дороги и важны. Пишите все, съ разсужденіями или безъ разсужденій — какъ угодно, но пишите; только тогда мы узнаемъ народъ, а пока — мы его не знаемъ, или знаемъ столько же, какъ и онъ насъ. Изученіе поведетъ насъ къ сближенію, сближеніе къ слитію, и тогда

развитіе пойдетъ лучшимъ путемъ. Мы народу необходимы, также какъ и онъ намъ. Всѣ недостатки наши — только послѣдствіе былого; у многихъ изъ насъ не совершенно еще порвались и перегнули корни, связующіе съ родной почвой. Не на западъ наше мѣсто и не на востокъ, а здѣсь, — здѣсь и нигдѣ болѣе. Здѣсь мы крѣпче стоимъ, здѣсь мы можемъ принести пользу человѣческому развитію; только здѣсь наша дѣятельность способна проникнуть во всѣ поры жизни, только здѣсь мы вполне способны употребить въ дѣло всѣ наши силы, и вслѣдствіе этого только здѣсь мы сами можемъ вполне развиться.

Дѣ, писать долженъ каждый: каждому долженъ быть открытъ путь къ печатному слову; каждому должна быть дана свобода высказать свое мнѣніе гласно. Печатаніе должно обратиться въ разговоръ, въ которомъ могутъ и должны участвовать всѣ безъ исключенія. Какъ поучительно для молодого поколѣнія выслушивать старческій споръ, или споръ зрѣлыхъ мыслителей, процѣживаемый черезъ опытъ, такъ точно для стараго поколѣнія и опытныхъ людей полезно слушать споръ молодежи, полный огня, порыва, идеальной чистоты и теоріи, безъ уродливой и уродующей практики. Нѣтъ! Я не того мнѣнія, какъ И. С. Аксаковъ, чтобы не допускать юность на мірскую сходку, — нѣтъ, это ошибочно; всякъ пусть идетъ и толкуетъ, всякъ пусть подаетъ голосъ, и юноша, и женщина, и старецъ. Всѣ имѣютъ одни права, и зажимать ротъ юношѣ то же чинопоклоненіе, которое вы такъ презираете. Грустно и жалко встрѣтить такой деспотическій взглядъ на молодежь, такую мертвящую холодность тамъ, гдѣ думали встрѣтить привѣтъ новой жизни и воззваніе ея къ дѣятельности; но г. Аксаковъ, выступивши подъ знаменемъ народности, часто поражаетъ своими мертвящими словами, своимъ каноническимъ тономъ. Въ то время, когда мы сами начинаемъ только познавать, но еще не познали, когда мы сами еще не знаемъ, какой дать отвѣтъ на вопросы времени, кто имѣетъ право говорить отъ имени каждаго изъ насъ? Теперь именно то время, когда каждый русскій начинаетъ думать по своему и когда еще отъ насъ самихъ скрыто время, въ которое всѣ мы, одушевленные одной мыслію, проникнутые однимъ чувствомъ, заговоримъ однимъ желаніемъ. Я отказываюсь отъ многого, навязаннаго мнѣ, въ числѣ всѣхъ русскихъ; я оскорбляюсь многимъ и многимъ, приписаннымъ всѣмъ русскимъ, я наконецъ совершенно отказываюсь отъ такой любви къ народу, какую проповѣдуете вы, г. Аксаковъ. Доказывая полякамъ неосновательность ихъ притязаній, вы идете тѣмъ самымъ путемъ въ своемъ московскомъ журналѣ, недопуская воз-

возможности самобытнаго развитія южно-русскаго языка. Гдѣ же тутъ любовь? гдѣ народность?—Или вы, въ своей безпредѣльной любви къ народу, разрѣшаете себѣ даже насиліе и презрѣніе его воли?!

Вы требуете, чтобы народъ развивался самъ,—слѣдовательно своими собственными силами и побужденіями. Отчего же вы презираете народный голосъ, и сливая южную Русь съ кровною и нераздѣльною Великою Россіей, въ безразличное тождество, оставляете восторонѣ—мнѣніе объ этомъ самого народа? Или вы забыли, что русскій мужикъ, отправляясь на заработокъ въ Малую Русь, говорить, что идетъ въ Малороссію, къ хохламъ; а малоросъ въ свою очередь говорить, что онъ былъ въ Россіи, идетъ изъ Россіи, купцы изъ Россіи,—это русскіе и проч. и проч? Какъ тотъ, такъ и другой, совершенно различаютъ себя другъ отъ друга, и каждый стоитъ за свое крѣпко.

Въ вашемъ взглядѣ я вижу не любовь, а деспотизмъ, привычку самовольнаго распоряженія, противъ котораго вы такъ негодуете. Вы, возстающій на Петра за его насильственное преобразование, вы дѣйствуете по его системѣ. Вы точно также насильственно проводите дороги, по своему личному усмотрѣнію и кабинетному мышленію; вы желаете провести желѣзную дорогу изъ Москвы въ Кіевъ: *желѣзную дорогу во что бы то ни стало!* Да ваше рѣшеніе хуже Петрова: у Петра была нѣмецкая государственная система въ головѣ; ему надо было во что бы то ни стало связать сѣверъ съ югомъ посредствомъ чиновничества. Онъ о простомъ народѣ думалъ, какъ о безотвѣтномъ матеріалѣ, а вы простой народъ уважаете, вы защищаете его права и—готовы распорядиться послѣдними его средствами (еслибы они были въ вашемъ распоряженіи), чтобы притянуть къ себѣ, съ помощію желѣзной дороги, ничего невѣдающихъ хохловъ не спрашивая на то ихъ согласія. У васъ нѣтъ уваженія къ народу, когда распоряжаетесь съ нимъ такъ нецеремонно. Никогда не слѣдуетъ вѣсть народъ; надо, чтобы онъ шелъ самъ, а теперь и въ особенности, потому что вы не знаете еще качествъ его, слѣдовательно не знаете, что для него лучше. До сихъ поръ онъ тщательно скрывался отъ насъ, и только теперь выходитъ на свѣтъ, только теперь для него наступаетъ *день*,—но — не *вашъ*, гдѣ презираютъ и юность и волю и національность.

Я охотно перехожу отъ вашей любви къ народолобію г-жи Кохановской. Порадуюсь тому, что женщина съ такою теплотою изучаетъ народъ, подаетъ свой голосъ въ *громадѣ* и обсуждаетъ пѣсни такъ тепло и такъ хорошо.

Г-жа Кохановская, разбирая нѣкоторыя пѣсни изъ сборника г. Якушкина, уясняетъ ихъ вариантами малороссійскими. Но, мнѣ кажется, заключенія, которыя она дѣлаетъ, требуютъ большаго доказательства. — Напр. пѣсня на стр. 397, начинающаяся такъ:

Ой, поїхавъ королѣвичъ на погуляння,
Та й покинувъ Марусеньку на горювання...

привела къ заключенію, что пѣсня эта происхожденія литовскаго. Точно также и пѣсня про Ваньку-ключника доказываетъ вамъ ее литовское происхожденіе, и вы утверждаете свое мнѣніе на томъ, что въ Россіи въ то время (?) былъ извѣстенъ одинъ король: король Литовскій. Кромѣ слова *король*, доказываетъ ли еще что-либо въ этой пѣснѣ ея литовское происхожденіе? Вариантъ этой пѣсни, записанный мною, не имѣетъ въ себѣ слова *король*, но положительно указываетъ на мѣсто дѣйствія въ Валахіи, у князя Волоханскаго.

Какъ жилъ себѣ, й охъ! князь Волоханскій,
Имѣлъ онъ себѣ дѣвушекъ, й охъ! премножество.

Далѣе, очевидно, пѣсня потеряла нѣсколько стиховъ, смыслъ которыхъ долженъ быть таковъ: жилъ себѣ Ванька-ключничокъ, да и полюбилъ онъ княгинюшку; — но на Ваньку донесли:

Скажу и доведу я, охъ! князю Волоханскому,
Что Ивась ли ключничокъ й охъ! жилъ три годочка,
Зъ вірною княгинею, охъ! да Ванька познакомился,
Ой то скажу, то доведу ой князю, князю Волоханскому.
Охъ какъ закричитъ князь Волоханскій
Своимъ громкимъ голосомъ охъ! на своихъ на сто слуговъ закричалъ:

»Что, слуги мои вѣрные!

Охъ, возьмите лопатушки,

Лопаты зеленые,

Охъ да копайте да канавушки—

Канавы глубокия,

Охъ и урывайте столночушки—

Столны поточаванны,

Охъ да убивайте колечушки,

Колечки злоченыя,

Охъ да чепляйте вы гужовушки,

Охъ да гужи шолковые.

Возьмите Ванюшку, ой да подь бѣлыя рученьки...

Подробностей вехода Ваньки на висѣлицу, описанныя такъ прекрасно въ одномъ изъ приведенныхъ вами вариантовъ, у меня нѣтъ, но слѣдуютъ стихи тѣже, что и въ первообразѣ (по вашему мнѣнію):

Ванька на релли качается.

— Охъ да й молода княгинюшка,
молода княгинюшка —

Охъ да въ комнатѣ кончается...

Въ вашемъ вариантѣ, также какъ и въ приведенныхъ вами, пѣсня этимъ оканчивается; у меня слѣдуетъ еще нѣсколько строкъ, въ которыхъ княгинюшка вспоминаетъ свое житіе съ Иванькомъ, и въ такихъ словахъ, которыя, безъ всякаго покрова, изображаютъ ихъ любовныя отношенія.

Пѣсня эта записана мною отъ цыгана въ Черниговской губерніи; при этомъ онъ говорилъ, что пѣсня занесена ихъ предками издалека, изъ Валахіи, занесена подъ большимъ секретомъ, потому что ее запрещали пѣть, и однажды одного изъ нихъ посадили въ тюрьму за то, что онъ пѣлъ ее на ярманкѣ. Голосъ ея оригиналенъ и грустенъ. — Но нѣтъ сомнѣнія, что наберется еще нѣсколько вариантовъ, которые могутъ представить дѣло въ другомъ видѣ и пополнять пѣсню еще болѣе. Слѣдовательно, заключенія ваши о происхожденіи пѣсни остаются только догадками, точно такъ же, какъ и заключеніе о первообразахъ.

Сличая варианты пѣсень великорусскихъ съ малороссійскими, вы не указали на малороссійскія варианты пѣсни подъ названіемъ »*Татарскій полонь*«, между тѣмъ такіе варианты существуютъ въ печати, и это особенно любопытно потому, что пѣсня эта есть также и въ средней и восточной полосѣ Россіи; вездѣ она равно хороша, вездѣ свѣтится первообразомъ. На всемъ юговосточномъ протяженіи Россіи были одни и тѣже столкновенія пограничныхъ жителей съ татарами, и драма, выраженная въ пѣсни *Татарскій полонь*, могла случиться вездѣ и послужить поводомъ къ созданію этого поэтическаго произведенія; но гдѣ именно она создалась, едвали, *пока*, можно указать безошибочно. Нашѣвъ могъ бы навести на первообразъ, но въ извѣстныхъ мнѣ вариантахъ нашѣвъ гармонируетъ вполне съ словами и носитъ на себѣ мѣстный колоритъ. Мотивъ ея, въ средней Россіи, сохранилъ въ себѣ ясно свой серединный характеръ, а на востокъ въ немъ слышатся татарскія звуки. Сравнивъ только эти три варианта, которому изъ нихъ дать предпочтеніе, который изъ нихъ назвать первообразомъ? Какъ нельзя указать первообраза въ этой пѣснѣ, такъ точно почти и во всѣхъ другихъ. Первообразовъ мы *еще* указать не можемъ; средства наши недостаточны, да къ тому же и тотъ матеріалъ, которымъ пользуемся — неразработанъ. Множество пѣсень, находящихся въ сборникахъ велико-

русскихъ, и которыя великороссіяне считаютъ своими собственными произведеніями, не могутъ назваться ихними потому, что варианты этихъ пѣсень находятся у Южноруссовъ и точно также считаются ими своею принадлежностью. Пока все сборники пѣсень, отъ портфелей ученаго до альбома деревенской барышни, не сдѣлаются достояніемъ общимъ, пока не исчерпаемъ мы до дна народныхъ пѣсень, пока не сличимъ ихъ, да не только въ складѣ рѣчи, но и въ музыкѣ, пока наконецъ пѣсни всехъ Славянъ не войдутъ въ это общее дѣло, — до тѣхъ поръ нѣтъ возможности найти первообразъ, до тѣхъ поръ все наши старанія, попытки разъяснить народную пѣснь — останутся однѣми, болѣе или менѣе удачными, догадками.

Какъ рано дѣлать заключенія о происхожденіи пѣсни, о ея первообразѣ, точно также, мнѣ кажется, рано еще дѣлать *заключеніе* и о современной народной поэзіи. — Я невольно остановился надъ слѣдующей вашей фразой: «А между тѣмъ основной первоначальной звукъ этихъ, постоянно падающихъ, тоновъ народнаго творчества есть очень и очень древняя пѣсня (стр. 381).» — *«Постоянно падающихъ тоновъ народнаго творчества»*... На страницахъ *Воронежской Бесѣды* въ статьѣ М. де-Пуле, о Кольцовѣ, тоже сказано: «Что бы ни говорили о нестарѣющей живучести русской простонародной пѣсни, но она *видимо дряхлѣетъ и доживаетъ свой послѣдній вѣкъ* (стр. 427.) Наконецъ припоминаю и слова Н. И. Костомарова, сказанныя имъ въ «Воспоминаніи о двухъ малыхъ» (*Основа*, апрѣль, стр. 52): «Народная Украинская поэзія *видимо* приближается къ угасанію.» Останавливаюсь надъ этими рѣшеніями и спрашиваю себя: неужели все это правда?!...

Мнѣ нехочется потдаться этимъ прискорбнымъ заключеніямъ. Почему вы, сознавшіе такъ ясно упадокъ народной поэзіи, не указали его ясно намъ, чтобъ разрѣшить наше сомнѣніе и вывести насъ изъ самообольщенія?.. Мнѣ кажется, что слѣдовало бы на этомъ остановиться и серьезно побесѣдовать съ нами какъ о состояніи современной народной поэзіи, такъ и о причинахъ ея упадка.

Я невольно задумываюсь надъ вашимъ печальнымъ выводомъ, провѣряю свои мысли, вспоминаю пѣсни въ устахъ народа и сомнѣваюсь въ справедливости вашего приговора.

Любовь и чувство къ пѣсни еще въ полной силѣ въ народѣ. Переходя изъ устъ въ уста, пѣсня поется не только по привычкѣ, но и съ полнымъ участіемъ, поглощая все существо поющего. Можно ли тутъ со-

мѣваться въ недостатокъ любви и сказать, что теперь чувство народа къ своимъ пѣснямъ падаетъ, *»пѣсня дряхлѣетъ,«* *»первоначальный звукъ ея падаетъ.«* Пѣсни историческія, я согласенъ, современниками ихъ пѣлись съ большимъ пониманьемъ, хотя и теперь нельзя сказать, чтобъ ихъ не любили и не чувствовали: я часто видѣлъ плачущихъ парней, когда бандуристъ имъ пѣлъ стариныя думы. А пѣсни семейныя? пѣсни дѣвочкия, бурлацкія, обрядныя, сиротскія, поются развѣ не такъ, какъ пѣлись, развѣ значеніе ихъ для народа устарѣло? Бездомный бурлака нашего времени также грустно затынетъ: *Та ишовъ козакъ зъ Дону*, какъ бывало пѣлъ ее бурлака въ старину. Такая любовь къ пѣсни, такое ея животрепещущее пониманье усноконительно, и доказываютъ, что поэтическое чувство въ народѣ очень сильно... Но въ народѣ есть и попытки творчества. Переходя изъ устъ въ уста, пѣсня заходитъ далеко отъ мѣста своего рожденія и часто теряетъ первоначальный свой образъ; иногда доходитъ отрывкомъ, и что же?—погостивъ гдѣ-нибудь нѣсколько времени, она является очень часто въ новомъ видѣ, убранныя и осмысленная. Это доказываетъ, что поэтическое чувство въ народѣ доходитъ до творчества, которое не принимаетъ пѣсень въ искаженномъ и ему непонятномъ видѣ, а пересоздаетъ въ форму для него живую. Пѣсня постоянно теряетъ на пути одно, пріобрѣтаетъ другое. Не зная всѣхъ видоизмѣненій, которыя она потерѣла во время своего странствованія, можемъ ли мы утвердительно сказать, что новѣйшія добавленія и измѣненія народа хуже прежнихъ? На чемъ мы провѣримъ свое заключеніе??

Въ пѣсняхъ каждая эпоха оставила по себѣ слѣдъ, — это правда. Но одиѣ изъ нихъ дошли до насъ, другія дошли въ маломъ числѣ образцовъ, третьи въ искаженномъ видѣ, четвертыя очень не полныя, — какой же послѣ этого вѣрный приговоръ мы можемъ сдѣлать?

И когда пришелъ тотъ несчастный часъ, что народная поэзія дойдя до своего апогея, начала спускаться?!.. Древность полна поэзіи, времена Грознаго, Стеньки Разина, оставили прекрасныя поэтическія разказы, пѣсни и мощные звуки. Время Хмельницкаго? — тоже; Петра? Екатерины? — и эти періоды оставили въ поэзіи ясный слѣдъ творческой силы!... Крѣпостное состояніе, рекрутскіе наборы хотя и тяжело ложились на народъ, но духъ творчества въ немъ еще не изсякъ, онъ живъ, и поэзія народная не умерла, она сильно напомнила о себѣ раздирающими стонами рекрутскихъ пѣсень или пѣснь крепака. Ежели не явились пѣсни въ большомъ количествѣ (это быть можетъ), то не отъ упадка поэтическаго творчества въ народѣ, а оттого, что жизнь его была

все та же и та же; однообразный ходъ ея не вызывалъ новой формы; разъ вылившись, унылые звуки, переполненные тоской, безъ измѣненія носились отъ конца до конца Россіи, всюду находя отголосокъ, сочувствіе, отражая въ себѣ какъ въ зеркалѣ однообразное, иногда жалкое положеніе.

Мнѣ могутъ сказать, что я успокоиваю себя общими фразами, что дѣло надо высказать на чистоту, слѣдуетъ доказать примѣрами. Извольте. Наблюдая за пѣньемъ народа, не одинъ я замѣчалъ, что пѣвица или пѣвецъ иногда вставляетъ въ пѣсню такое слово, которое точнѣе выражаетъ состояніе его духа въ то время. Развѣ это сознаніе пѣсни, дошедшее до усвоенія ея себѣ, не приближается къ творчеству? Во время *плачу* надъ любимымъ существомъ, надъ рекрутомъ или умершимъ, развѣ стоны вырываются заранѣе приготовленные? нѣтъ, они импровизируются, и въ эту минуту творчество на самой высшей своей точкѣ. Я былъ свидѣтелемъ самаго разнообразнаго, самаго теплаго творчества дѣвчатъ, когда онѣ пѣли отъ тоски и когда каждая додавала свое слово въ общій раздирающій плачъ, прерванный рыданьями. Мать, когда она утѣшаетъ ребенка, сколько въ ней бываетъ изобрѣтательности, доходящей тоже до импровизаціи! А бандуристъ, представитель народной поэзіи, мой другъ Остапъ, развѣ не кладетъ всю свою душу въ думу, которую поетъ? не создаетъ въ это время новыхъ звуковъ, не прерываетъ пѣнья по вдохновенію? Онъ творитъ; избирая думу, ощущаетъ каждое ея слово, варіируетъ, выпуская, что не по душѣ въ ту минуту, добавляя тѣмъ, что вырывается изъ души: — не полны ли художественности тѣ звуки, на которыхъ онъ отдыхаетъ, — это ли не творчество?! Но мы всего этого не записываемъ, не изучаемъ, часто даже не замѣчаемъ.

Есть доказательства осязательнѣе, а именно—примѣры современной поэзіи. Привожу здѣсь тѣ *позднѣйшія* пѣсни, которыя мнѣ извѣстны:

1.

Ой горе, біда, — не Гетьманщина!
Надоучила вже вража панщина.
Я на панщину йду — торбу хліба несу,
А изъ панщини йду — дрібні слѣзи роню....
Посилає менѣ панъ въ велику доробгу,
Въ велику доробгу—на степь, на сторожу,
Та й дає міні панъ коня вороного —
Неїзджаłego.

Посилає козака молодого —
Небувалою.

Та й дає жь міні пань три копійки гробшей,
Щобь було й упитьця, та й ще й похмілітьця,
Міні молодому ні вь чімь не журитьця,
Ой сіна купити, коня накормити. II т. д. ⁽¹⁾

2.

Сонь головочку схиляє,
Мілий мілу покидає
Та зь дрібними діточками.
»Дітки менé изсушили,
Красоту зь лиця змінили..
Ой якъ вийду за ворота —
Летить вбронь сизокрилий.
»Скажи, вбронь, де мій мілий?»
—»Десь твій мілий на роботі
Та у сахарнімъ заводі;
Ой тамъ днює, тамъ ночує,
Дзвони дзвонють — вівь не чує,
Візьме топорь, та й майстриє. ⁽²⁾

3.

Изза горі вітерь віє,
А вь долині тихо.
Булó колись отту́ть добре,
А тепера — ліхо.
За молодіхъ панівъ стало
Трудно на роботу:
Увесь тиждень на панщині,
А собі вь — суботу.
А вь неділю, до східь сонця,
Вь усі дзвони дзвонять:
Десятчики підь віконню,
На панщину гонять:
Чоловікамъ за неводомъ
Раненько вставати;
Старімъ бабамъ крупі драти,
Та ще й плаття прати,
Малімъ дітямъ пір'я драти
И тютюнъ вязати...

⁽¹⁾ Записана вь Прилуцк. уѣздѣ Полтав. губ..

⁽²⁾ Запис. вь Черниговс. губ. и уѣздѣ.

4.

Въ неділю раненько у всі дзвони дзвонять:
 Сибірського десятчики на панщину гонять.
 »Ой гді-жъ вамъ, Рашавчане, до церкви ходити,
 Беріть мішки та лопати, идіть майдану копати!
 Та й у тому майдані набіті кілочки,
 Та вже ходять Рашавчане гді, безъ сорочки!...
 Ой у того Сибірського біленькі онучі,
 Заплакали Рашавчане на панщину идучи!..
 Та зазічивъ панъ Сибірський десять тисячъ грóшей,
 Да вістроївъ у Рашовці караванъ хорóший.
 Та якъ пішли, ой якъ пішли ченшóвіі жóни,
 Вклонілися Сибірському пизеньку у нóги!
 »Ой пане же нашъ добродію, пожди жъ намъ хочъ трóхи!«
 Та пизеньку Сибірському вклонілися у нóги..
 Та й насіявъ панъ Сибірський пшениці лавáми,
 Та назганявъ на панщину бáтьківъ изъ синáми.
 Летить крычóкъ на той бiчóкъ, та й летючі крыче:
 »За старíми, за панáми вся Рáшевка плаче!«⁽¹⁾

5.

Наступає чóрна хмáра,
 А другáя сiна,
 Не заступить снiвъ за бáтька,
 А бáтько за сiна.
 Жену́ть бáтька въ степъ косити,
 Сiна молотити,
 Трeтiю дóчку-паняночку —
 Тютюну садити,
 А невістку зъ свекру́хою
 У ланъ жiта жáти.
 Сiли вони обiдати, —
 Гiркий нашъ обiде!
 Озира́ютьця поза́дъ се́бе,
 Ажъ окóмомъ iде.
 Пiд'їжджає панъ окóмонъ,
 Канчу́къ розпо́ускає:
 «Чому́, чому́, Білoзiрці,
 Усiхъ васъ немає?»
 —»Окóмоне, добродію,
 Щó маємъ робити?
 Покiдали малiхъ дiтокъ,
 Нiкому глядiти.«

(1) Полтаве. губ. Гадячскаго уѣзда.

—А я велио малихъ дітокъ
 Въ ставкахъ потопіти,
 Та всімъ же вамъ, Білазірцямъ,
 Въ роботу ходіти.
 У нашої окімонши
 Червона спідниця;
 Ой виходять Білозірці,
 Якъ сходить зірниця.
 У нашого оконома
 Сівая кобіла,—
 Ой побила Білозірцівъ
 Лихая година.
 У нашого Білобра
 Червона хустка —
 Остаетця въ Білобра
 Не дна хата пуста.
 У нашої окімонши
 У подовжъ мережки, —
 Йдуть до-дому Білозірці,
 Якъ не видно стѣжки. ⁽¹⁾

6.

Ой Содоба, пане брате,
 Содоба! Содоба!
 Нема въ мене свіпкѣ жита
 Ні въ полі, ні дома.
 Було въ мене, куме, жито,
 Зелене-зелене...
 Заіхали вражі пані,
 Забрали відъ мене.
 Було въ мене, куме, жито
 Ой скрізь по-надъ річку;
 Заіхали вражі пані —
 Забрали на січку.
 Охъ пішовъ я, пане-брате,
 Плати поминати,
 А вінъ мене вибивъ добре,
 Та й вигнавъ изъ хати.
 А що жъ маємъ, пане-брате,
 Тепѣра робіти?
 Іде черга до вінниці
 Всесъ тиждень ходіти.
 Охъ пішовъ я въ понеділокъ,
 Пішовъ у вівторокъ,
 Ажъ виїхавъ панъ комисаръ,

(1) Черинговс. губ. Борзенск уѣзда.

Давъ нагаївъ сѣрокъ.
 Ой ходївъ я увѣсь тиждень,
 Ходївъ до субѣти,
 Ажъ виїхавъ и самъ дідичъ:
 »Чортъ-мá зъ васъ робѣти!«
 А въ неділю дуже рано
 Усі дзвѣни дзвѣнять.
 Осаули съ козаками
 До винниці гонать.
 Отъ думавъ я, пане-брате:
 Бѣгу помолюся;
 Осаула бере за лобъ,
 Бѣе кїемъ по ўшахъ.
 Въ чужімъ селі дзвѣни дзвѣнять,
 А въ нашому тихо;
 Въ чужімъ селі чортма добра,
 А въ нашому ліхо.
 А наші осаули
 Знають паньску ласку:
 Зъ чоловіка деруть штани,
 А зъ жінки — запаску.
 Ой ходімо, пане-брате,
 Та за круті гори,
 Нехай тутá виводятця
 Крукі та ворѣни!
 Ой ходімо, пане-брате,
 Въ степъ та въ гайдамаки, — —

Вотъ нѣсколько примѣровъ современнаго народнаго творчества. Я имѣю однакожъ полное право предполагать, что это не лучшіе образцы. Новыя пѣсни должны быть и въ чумачествѣ, ибо они создаются вездѣ, отъ мирной хаты до поселеній и острога. Народъ, оттолкнутый и униженный, не охотно дѣлится своими сокровенными чувствами, да еще съ нами. Мы не знаемъ состоянія его поэзіи, какъ не знаемъ вообще его нравственнаго развитія; доказательствомъ тому могутъ служить постоянныя противорѣчія въ сужденіяхъ о народѣ; напримѣръ: одни говорятъ, что онъ глубокий атеистъ, другіе — что онъ религіозенъ. — Когда народъ почти для всѣхъ насъ — новость, какъ же мы можемъ положительно говорить о немъ? Будемъ его изучать, вновь изучать, безъ охлажденія и усталости, — какъ изучали въ первую пору своей любви къ нему; теперь имянно то время, когда мало помалу народъ высказывается тѣмъ, что онъ есть, а не тѣмъ, кѣмъ мы его считаемъ.

Теперь настала пора, когда каждый, имѣющій у себя не только тысячи пѣсень въ кабинетѣ, а хоть одну, долженъ передавать ее намъ, а не

держатъ у себя для полнаго обдуманнаго труда. Мнѣ кажется, пустивъ ихъ въ оборотъ, онъ самъ расширитъ кругъ своего взгляда и выполнитъ заданную себѣ задачу еще лучше. Мы слышимъ съ разныхъ сторонъ, что у того-то 500 пѣсень, у другого 1000, у третьяго тысячи, и чтожь?—проходятъ года,—а эти массы пѣсень все лежатъ безъ пользы. Въ этомъ дѣлѣ не худо вспомнить пословицу: *Нечего сулить журавля въ небо, дай синицу — да въ руки.*

Что касается до *Воронежской Бесѣды*, то въ ней такъ много хорошаго, такъ вѣтъ отъ нея свѣжимъ сельскимъ воздухомъ, что я привѣтствую ее отъ всей души, а равно желаю всякаго успѣха и развитія другимъ изданіямъ, рождающимся во всѣхъ мѣстахъ южной, западной и великой Россіи: — это отраднo и многозначуще въ будущемъ!..

Л. Жемчужниковъ.

28 декабря, 1861 г.

ВСЕГДА ЛИ ВѢРНО СВИСТЯТЪ ВЪ »СОВРЕМЕННОМЪ«?

И альманахи, и журналы,
Гдѣ поученья намъ твердятъ,
Гдѣ нынче такъ меня бранятъ,
А гдѣ такіе магіргалы
Себѣ встрѣчалъ я иногда...
E sempre bene, господа!

Въ январской книжкѣ *Современника*, въ отдѣлѣ *Свистка*, мы прочли слѣдующія замѣтки:

»Н. И. Костомаровъ находить, что мы слишкомъ уже далеко пошли, и что *не худо поворотить назадъ*« »Сейчасъ мы получили его *Тысячелѣтіе* и въ немъ, къ изумленію нашему, прочли, что, въ настоящее время, *нѣтъ никакого движенія*, а лишь только миражъ движенія, иллюзія, обманъ; что и передовыхъ людей — *людей идей* — *вовсе нѣтъ*, а есть передовые люди *моды* — личности наиболѣе неспособныя и пустыя. Такъ Н. И. Костомаровъ характеризуетъ наше время и наше движеніе, въ самыхъ видныхъ рядахъ котораго стоитъ онъ самъ« »Перестанемъ же, — говоритъ Н. И., — повторять модную фразу: »впередъ!« — лучше: »назадъ!« »Даже — назадъ къ половинѣ IX вѣка, за тысячу лѣтъ.«

Кто думалъ видѣть въ *Свисткѣ* серьезную, правдивую мысль, тотъ на этотъ разъ сильно ошибся. На этотъ разъ, *Свистокъ* до избытка пренеполненъ самовосхваленія и — клеветы: сказанія его о *Тысячелѣтіи*, которое по его словамъ, будто бы написано »въ стилѣ яростно-возвышенномъ« (у Костомарова — стиль »яростно-возвышенный«!? Какой вздоръ!) не заключаютъ въ себѣ ни внутренней, ни даже внешней, правды. Статья г. Костомарова, изъ которой выхвачено и извращено нѣсколько выраженій, имѣетъ совѣтъ не тотъ смыслъ, какой ей приданъ *Современникомъ*: стоить прочесть ее, чтобъ убѣдиться въ неправдивости *Свистка*. Г. Костомаровъ не возражалъ *Современнику*, а это было нужно; ибо, къ сожалѣнію, въ нашъ — по видимому — критическій и скептическій вѣкъ, еще слишкомъ много людей, —

которые рабски, по принципу, поддаваясь чужому уму, часто принимают на веру то, что съ умысломъ или совершенно извращается, или представляется въ невѣрномъ свѣтѣ.

Авторъ *Свистка*, г. Жоюпъ, такъ же оригинально поступилъ и съ статьями *Основы* по поводу слова *жидъ*, какъ и съ *Тысячелѣтїемъ*, г. Костомарова: онъ или вовсе не читалъ ихъ, или прочиталъ такъ какъ ему было нужно, чтобъ показать, будто есть варвары, которые еще сомнѣваются: — «брать ли съ собою (если идти впередъ) все безчисленные національности, входящія въ составъ русскаго народа, — напр. Евреевъ» ... Мы почти увѣрены, что г. Жоюпъ не читалъ нашей статьи, (*Основы*, июнь, 1861 г.), вызвавшей *Сюнъ* на патріотическій подвигъ... Какъ ни усомнились мы въ правдивости *Свистка* послѣ поступка съ г. Костомаровымъ, но на-столько вѣримъ г. Жоюпу, что — думаемъ — еслибъ онъ прочелъ то, что дѣйствительно напечатано въ *Основѣ*, то не рѣшился бы отнести къ намъ выписаннаго выше вопроса. Къ повтореніямъ, съ чужаго голоса, мы вообще привыкли; мы не удивились бы этому и въ *Свисткѣ*, и не остановились бы на его толкахъ по поводу Евреевъ, толкахъ, ничего не объясняющихъ и не рѣшающихъ; но насъ поразила надменность, съ которой *Свистокъ* отнесся къ *Основѣ* вообще: «*Основы* родилась недавно... да и что *Свистку* за дѣло — какъ думаетъ о разныхъ предметахъ *Основы*? Мало ли кто какъ о чемъ не думаетъ! Не возражать же противъ всякаго...» О *Свистокъ*! о Олимпіецъ! вотъ гдѣ оно — барство-то! подъ покровомъ свисту — журнальное барство — самое чванное и — самое противное!... Печальный, старческий признакъ... Для собственнаго спасенія, *Свистку* слѣдовало бы отнынѣ же хорошенько запомнить украинскую пословицу: «*хто високо літає, той нязько сідає*». Право, это и для свисту полезно: слишкомъ высоко возьмешь, — смотри — и оборвешься. Вотъ и теперь: какую взял *Свистокъ* фальшивую ноту, заговоривъ о Костомаровѣ, объ *Основѣ*... Но, положимъ, говорить объ *Основѣ* что вздумается — простительно; *Основы* для *Современника* — вопросъ частный, мѣстный; *Современникъ* занятъ собой, вообще — міровыми явленіями, и легко могъ забыть, что, въ январѣ и даже въ августѣ 1861 г., великодушно призналъ за *Основой* право на «уваженіе», потому что «въ ней видна цѣль, видно стремленіе разъяснить живые вопросы», поддержать живую связь съ народомъ. Но — что не простительно — такъ это противорѣчіе *Современника* самому-себѣ да еще — въ сужденіяхъ о такомъ предметѣ, которому нужны многіе годы, чтобъ перемѣниться, именно — о цѣломъ народѣ, о Малороссахъ. Помните

ли, братья-земляки, — какъ мы были удивлены, какъ мы краснѣли отъ удовольствія и — еще больше — отъ сознанія своихъ недостатковъ, — читая, въ июльской книжкѣ *Современника* слѣдующія слова г. Чернышевскаго: »Если есть племена, могущія привлекать къ себѣ симпатію больше, чѣмъ другія племена, то — именно — Малороссы — одно изъ племенъ наиболѣе симпатичныхъ. Очаровательное соединеніе наивности и тонкости ума, мягкость нравовъ въ семейной жизни, поэтическая задумчивость характера, непреклонно-настойчиваго, красота, изящество вкуса, поэтическіе обычаи, — все соединяется въ этомъ народѣ, чтобы очаровывать васъ, — такъ-что иноплеменникъ становится малорусскимъ патриотомъ, если хоть сколько-нибудь поживетъ въ Малороссіи. Нельзя не сочувствовать имъ«.

Такъ говорилось въ *июль*. Послушайте же, что говорится, въ томъ же *»Современникѣ«*, о тѣхъ же Малороссахъ, въ *январѣ*: »Сыны благословенной Малороссіи, изучая, самымъ усерднымъ образомъ, философію, все-таки не могли уразумѣть — чѣмъ бы могъ жидъ различаться отъ собаки, равно какъ и того, что — кромѣ искусства дѣлать сало и хорошія наливки — для человѣческаго благоденствія на землѣ потребны и нѣкоторыя другія знанія.« (*Свистокъ* этимъ доказалъ, что, для его собственнаго благоденствія, потребно знаніе исторіи, въ особенности, исторіи того народа, о которомъ онъ судить)... Ну, можно ли такъ себѣ противорѣчить, такъ клеветать на цѣлый народъ? Откуда вы взяли, будто Малороссы не умѣли »различать жиду отъ собаки« и не понимали потребности знаній? Да этого нельзя сказать ни объ одномъ въ мірѣ народѣ съ демократическими началами, а тѣмъ болѣе о Малороссахъ — народѣ вѣротерпимомъ по-преимуществу. Жидовъ не любили не потому, что они — жида, а потому что они не хорошо поступали съ народомъ: даже фанатикъ, отецъ *Климентій* — стихослагатель конца XVII в., осуждая Жидовъ и Цыганъ, не касается ни ихъ народности, ни вѣры: онъ говоритъ только, что они «*злонравні; (бо въ нихъ стѣлько есть правди, якъ въ шеляху сребра)*»; что они живутъ обманомъ, не имѣютъ земли, домовъ, постоянного мѣста жительства; Климентій даже благосклоннѣе къ жидамъ нежели къ цыганамъ, потому что первые ведутъ болѣе-общественную, оскдлую жизнь. Не меньше жидовъ (и цыганъ), Малороссы не любили и *перѣхристовъ*, и *перѣвертней*, и *недбляшковъ*, если они измѣняли своимъ изъ-за выгоды; но ни одному человѣку, къ какому бы народу, сословію и вѣрованію онъ ни принадлежалъ, не былъ совершенно закрытъ доступъ, напр., въ козацкую общи-

ну, какъ только убѣждались въ честной преданности его народнымъ пользамъ.

Любопытно было бы знать, къ какому вѣку вы приурочиваете ваше сказаніе, будто бы мы, изучая философію, не умѣли цѣнить другихъ знаній? Это ужъ сущая клевета, или—крайнее незнаніе нашей исторіи. Вспомните конецъ XVI-го и XVII-й вѣкъ, когда, во всѣхъ концахъ Южной Руси, основались *братства*, членами которыхъ были, большею частию, люди свѣтскіе (дворяне, мѣщане): главною ихъ заботою были школы, образованіе народа (прочтите хоть начало X тома *Исторіи Россіи*, г. Соловьева); вспомните, что *Гадяцкимъ* договоромъ, 1658 года, (Гетманство Выговскаго, Н. И. Костомарова), постановлено — основать, въ Южной Русси, *два академіи съ университетскими правами* и Кіевскую академію обратить въ университетъ, — также учредить въ разныхъ мѣстахъ *училища*, не ограничивая ихъ числа; дозволено заводить каждому *типографіи*; объявлено совершенновольное *книгопечатаніе*; даже *относительно вѣры* допускались всякія возраженія и мнѣнія *безпрепятственно*; вспомните, что въ Малороссіи, до половины XVIII вѣка, изъ *войсковыхъ* суммъ часть отдѣлялась на школы; что, издревле, основаніе училищъ признавалось тамъ дѣломъ благотворительнымъ; что даже у Климентія вы встрѣчаете уваженіе къ школамъ! Что все это было въ народномъ духѣ, указываетъ украинская поговорка: *лучче зъ розумнимъ у пѣклі, ніжъ зъ дурнимъ у раю*». Подмѣчая, вѣроятно, эту склонность къ уметственному саморазвитію въ нашемъ народѣ, взвѣсивая его нравственныя свойства, Полякъ — врагъ Украины — *Окольскій*, въ XVII вѣкѣ, писалъ (Contynuuacya Dyaguzsza Wojennego,): «хотя между козаками нѣтъ ни одного князя, ни сенатора, ни воеводы, но есть межъ ними такіе мужики (chłopi), что еслибъ не законы *contra plebejos*, то нашлись бы столь достойные, что ихъ слѣдовало бы признать равными Цинциннатамъ и Оемистокламъ (aby ich et Qu. Cincinnato, ab aratro ad dictaturam był wezwany, atque Themistocli virtute par, nazwano)».

Въ заключеніе, замѣтимъ, что въ Малороссіи философія не была мертвой наукой: наша жизнь не позволяла ей остаться набальзамированнымъ трупомъ. Сковорода, котораго вы, кажется, не очень жалуете, потому что знаете только слабую его сторону, Сковорода, благодаря своей любви къ философіи, постоянно занятъ былъ мыслью — *якъ би умѣрти не безъ ума*», и посвятилъ всю свою жизнь на служеніе обществу, на просвѣщеніе народа. Философія помогла ему стать выше со-

словныхъ и другихъ современныхъ предразсудковъ, ходить въ просто-народной одеждѣ и учить народъ, на родномъ языкѣ, вездѣ, гдѣ были слушатели: на рынкахъ, на ярмаркахъ, по дорогамъ, у корчемъ и шинковъ, — относиться равно и къ богатымъ и къ бѣднымъ, къ вельможамъ и крестьянамъ, и остаться всю жизнь вѣрнымъ своимъ честнымъ началамъ, не смотря на насмѣшки, на клеветы, которыя распускались о немъ за правдивость его и любовь къ нему народа. «И они люди», говорилъ онъ въ укоръ. «Люди! Нѣтъ смѣшнѣе, какъ красивый ликъ съ пустою головою, и нѣтъ дорожѣе, когда въ смѣшной вѣщности является утаенная разумность; и во вретницѣ иногда кроется дражайшій камень: *красна хата не улами, а пирогами*. Не люблю тѣхъ людей, о коихъ можно сказать малороссійскую пословицу: *Шумитъ, гремитъ... А что тамъ?* — *Кобыля мертвая голова бѣжитъ*. Не любя мнѣ пустая надменность и пышная пустошь.»

Около 1770 г., Сковорода уже ясно сознавалъ потребность народной науки, «науки для себя, которая была бы достояніемъ не однихъ жрецовъ науки, но проникла бы весь народъ, водворилась бы въ души всѣхъ, кому не чуждо человѣческое» «Для народа русскаго», писалъ *философъ*, — «нужно явить новое знаніе, *взявъ содержаніе* для него *изъ жизни самого же народа*, — знаніе, основанное на самопознаніи. Это самопознаніе, по ученію Сковороды, должно выразиться познаніемъ себя 1) какъ самостоятельной (индивидуальной) личности, 2) какъ бытія народнаго, связаннаго съ другими, себѣ подобными, и 3) познаніемъ всеобщимъ, какъ человѣка, связаннаго со всѣмъ человѣчествомъ, со всѣмъ бытіемъ». «Русь не-русская», — говорилъ Сковорода, — «видится мнѣ диковинкою, какъ еслибы человѣкъ родился съ рыбьимъ хвостомъ, или собачьей головою». «Не чужое воспитаніе должно быть привито къ русскому человѣку, а свое родное. Нужно лишь умѣть найти, выработать его изъ нашей же жизни, чтобы снова осмысленнымъ обратить его въ нашу же жизнь. Это знаніе, этотъ огонь кроется у насъ, какъ огонь въ кремнѣ: подставь труть, и ударь огнивомъ, и явится у тебя твой домашній огонь, и не-за-чѣмъ тебѣ будетъ ходить по сосѣднимъ хатамъ, съ тряпницею, — кланяться и одолжаться чужимъ огнемъ».

Видите ли: нашъ *философъ* проповѣдывалъ, за 100 лѣтъ назадъ, то самое, къ чему стали приходить въ наше время.

Надо еще прибавить, что не одинъ простой народъ, но и образованный слой общества, оцѣнилъ Сковороду и дорожилъ имъ, какъ на-

роднымъ гениемъ: чуть ли еще не при его жизни, было награвировано два или три его портрета.

Какъ же сказать о народѣ, гдѣ были подобныя явленія, будто онъ дофилософовался только до сала и наливockъ??

Не пренебрегайте *исторіей*: иначе вамъ вѣрить не стануть; не взводите несправедливости ни на человѣка, ни на народъ, — даже — во имя нашей собственной пользы: по неволѣ, не по правдѣ, намъ и самое счастье противно. На этомъ мы выросли, на этомъ стояли, стоимъ — и стоять будемъ. Ред.